

Безнадежные войны. Директор самой секретной спецслужбы Израиля рассказывает

Автор:

[Яков Кедми](#)

Безнадежные войны. Директор самой секретной спецслужбы Израиля рассказывает

Яков Иосифович Кедми

Будучи прирожденным бойцом и «убежденным нонконформистом», автор этой книги всегда принимал брошенный вызов, не уклоняясь от участия в самых отчаянных схватках и самых «БЕЗНАДЕЖНЫХ ВОИНАХ», будь то бескомпромиссная борьба за выезд из СССР в Израиль, знаменитая война Судного дня, которую Яков Кедми прошел в батальоне Эхуда Барака, в одном танке с будущим премьером, или работа в самой засекреченной израильской спецслужбе «Натив», которая считается «своего рода закрытым клубом правящей элиты Еврейского государства». Из всех этих битв он вышел победителем, еще раз доказав, что «безнадежных войн» не бывает и человек, «который не склоняется ни перед кем и ни перед чем», способен совершить невозможное. Якову Кедми удалось не только самому вырваться из-за «железного занавеса», но и, став директором «Натива», добиться радикального изменения израильской политики – во многом благодаря его усилиям состоялся массовый исход евреев из СССР в начале 1990-х годов. Обо всем этом – о сопротивлении советскому режиму и межведомственной борьбе в израильском истеблишменте, о победной войне Судного дня и ошибках командования, приведших к неоправданным потерям, о вопиющих случаях дискриминации советских евреев в Израиле и необходимости решительных реформ, которые должны вывести страну из системного кризиса, – Яков Кедми рассказал в своих мемуарах, не избегая самых острых тем и не боясь ставить самые болезненные вопросы, главный из которых: «Достойно ли нынешнее Еврейское государство своего народа?»

Яков Кедми

Безнадёжные войны. Директор самой секретной спецслужбы Израиля рассказывает

Предисловие

История жизни и личной борьбы Якова Кедми переплетается с важнейшими событиями в жизни государства Израиль и еврейского народа во второй половине XX столетия. Иногда он был рядовым участником событий, обладавшим острым и критическим взглядом, а иногда сам инициировал их. Благодаря своим способностям и уникальным личным качествам он руководил государственной службой, целью которой было обеспечение выезда евреев бывшего Советского Союза в Израиль. Но эта книга не история жизни одного человека, а в большей степени панорамное произведение, охватывающее исторический период, ставший определяющим для судьбы еврейского народа и государства Израиль и отраженный в истории жизни убежденного нонконформиста, любящего еврейский народ и свою страну, человека, который никогда не склонялся ни перед кем и ни перед чем.

В начале книги мы видим молодого еврейского юношу, уроженца Москвы, в одиночку борющегося за выезд в Израиль вопреки всем принятым в стране общественным нормам и без каких-либо шансов на успех. Эта борьба началась до, а закончилась после Шестидневной войны, в результате которой Советский Союз разорвал дипломатические отношения с Израилем. Первые части книги посвящены тому, как практически без посторонней помощи Яше удалось преодолеть все препятствия благодаря лишь собственному интеллекту, мужеству и непоколебимой вере в свои силы, в способность побеждать в самых «безнадёжных войнах», – не случайно именно это название он выбрал для своей автобиографии.

Вскоре после приезда в Израиль Яша пошел в армию, окончил офицерское училище, стал офицером разведки. Самые значительные события его армейской службы пришлось на войну Судного дня. Он воевал в танковом батальоне под командованием Эхуда Барака. Его размышления о войне, его видение боевых

действий, рассказы о потерях, в том числе и близких ему людей, часто происходивших по вине командования; серьезный анализ неудач, просчетов и ошибок – все это превращает книгу в важное свидетельство непосредственного участника событий, в документ, выходящий за рамки личной истории.

Особый интерес представляет описание Яковом Кедми его непосредственного командира Эхуда Барака. Действия Барака описываются очень подробно: день за днем, иногда час за часом. Это редкое свидетельство о человеке, который впоследствии стал начальником Генерального штаба Армии Израиля, а потом премьер-министром и министром обороны. Тот, кто интересуется подлинными фактами об Эхуде Бараке как о человеке и командире, найдет для себя в книге много интересного.

Армия Израиля и израильский истеблишмент – элиты власти, как правые, так и левые – подверглись со стороны Кедми острой и бескомпромиссной критике. На протяжении всей книги, начиная с первого конфликта в офицерском училище, и затем в рассказе о разнообразных событиях военной и политической жизни Израиля раскрывается точка зрения «новоприбывшего», делавшего все возможное, чтобы найти свое место в новой стране и вместе с тем постоянно анализирующего происходящее, в том числе и с учетом имевшегося у него советского опыта. Личные выводы автора по широкому спектру проблем отличаются особой остротой и четкостью.

Через некоторое время после войны по указанию премьер-министра Менахема Бегина Кедми начал работу в «Нативе» в качестве временного сотрудника. Со дня создания этой службы первым премьер-министром Израиля, Давидом Бен-Гурионом, «Натив», деятельность которого проходила под покровом абсолютной секретности, был своего рода закрытым клубом правящей элиты Израиля. Во главе организации был поставлен Шауль Авигур, который был близок и лично, и по своим политическим взглядам к основателю государства. Работники «Натива» отбирались с особой тщательностью, им безоговорочно доверяло израильское руководство. Проблема выезда евреев из стран за «железным занавесом», и особенно из Советского Союза, требовала для своего разрешения особой осторожности. Это был период «холодной войны» между восточным блоком во главе с СССР и западным блоком во главе с США. Государственное руководство Израиля относилось в то время как идейно, так и политически к западному лагерю, несмотря на то что именно восточный блок помог Израилю оружием в критические моменты войны за независимость. В первые годы существования организации перед «Нативом» были поставлены три основные задачи. Первая –

установить и поддерживать как можно более широкие связи с евреями Восточной Европы и особенно Советского Союза, общее число которых оценивалось в пять миллионов человек. Второе – проводить оперативную деятельность, способствующую выезду евреев в Израиль. Третье – инициировать и развивать общественную и политическую деятельность в странах Запада, в первую очередь в США, для оказания международного политического давления на власти Советского Союза, чтобы они предоставили евреям возможность выехать в Израиль. Руководство Израиля в первые двадцать пять лет существования государства проводило осторожную политику в этих вопросах. За эти четверть века Израилю удалось выстроить надежную систему стратегических отношений с Соединенными Штатами, которая начала приносить ощутимые плоды после Шестидневной войны. По мере строительства и развития этих отношений руководство Израиля считало, что ему необходимо действовать на советском направлении с особой осторожностью, чтобы не мешать политике Вашингтона по отношению к Москве. Руководители Советского Союза принимали во внимание близкие отношения между Израилем и Соединенными Штатами. И это было одной из причин, по которой они препятствовали выезду в Израиль тех евреев, у которых был допуск к государственным секретам.

В дополнение к этому в пятидесятых и шестидесятых годах стало ясно, что Израиль, его государственная и военная элита, стали объектами повышенного интереса советских разведслужб. Из ставших известными фактов советского шпионажа в Израиле были такие, которые касались израильских ученых, а также и тех, кто был связан со стратегическими и политическими элитами Израиля.

Проблема выезда евреев Восточной Европы в Израиль включала в себя национальные, международные, политические и сионистские интересы. И в соответствии с принятым израильским руководством в то время подходом люди, занимавшиеся этими вопросами, должны были соответствовать требованиям абсолютной политической лояльности и соблюдать строжайшие требования безопасности.

Вот в такую действительность окунулся «временный сотрудник» Яков Кедми. Это произошло вскоре после первой значительной для Израиля смены власти, которая привела к руководству страной Менахема Бегина. М. Бегин, разумеется, не считал, что требуется политическая верность власти со стороны всех поголовно работников «Натива». Но вместе с тем он хотел, чтобы во главе организации стоял человек, преданный ему политически. М. Бегин был также убежден в том, что осторожная политика Израиля во всем, что касается евреев

за железным занавесом, должна оставаться неизменной.

У Кедми был совершенно другой подход к этой проблеме, и он отстаивал свои взгляды и боролся за коренные изменения в израильской политике по вопросам выезда советских евреев. Он также настаивал на пересмотре подхода к Советскому Союзу и оценки его реальной силы, на изменении стратегии пропаганды, на усилении международного давления на Советский Союз, которое нужно было организовать на Западе и особенно в США. В большинстве случаев ему удалось добиться серьезных изменений в политике Израиля, и роль Кедми в том, что массовый выезд в Израиль в 90-х годах прошлого века стал историческим фактом, очень велика.

Во многих главах, посвященных «Нативу», перед читателем раскрываются не только все подробности тех событий, участником которых был сам Кедми, но и его взгляд на внутреннюю политическую жизнь Израиля. Это взгляд изнутри на израильское руководство глазами Якова Кедми. Он рассказывает историю межведомственной борьбы, и перед лицом читателя проходят вереницей политические фигуры тогдашнего Израиля. Обо всем этом повествует государственный служащий, стремительно взлетевший по служебной лестнице, достигший без какой-либо помощи и политической поддержки должности руководителя организации, целью которой – выезд евреев в Израиль. Для него самого выезд в Израиль – часть его жизни, результат борьбы, которую он вел в одиночку.

Многолетняя, ведущаяся в последнюю четверть XX столетия, многосторонняя борьба за выезд евреев Советского Союза в Израиль затрагивала не только основные аспекты внешней и оборонной политики Израиля. Эта борьба была тесно связана и с отношениями с американским еврейством, с жаркими спорами по различным аспектам проблемы выезда, которые велись внутри американской еврейской общины. Должна ли борьба за выезд евреев концентрироваться только на выезде в Израиль или евреям, выезжающим из-за разваливающегося «железного занавеса», должна быть предоставлена возможность выбрать США или другие страны? Иными словами, допустим ли так называемый отсев? У Кедми было четкое мнение по этому вопросу и определенная оперативная и политическая концепция – он считал необходимым предотвратить отсев всеми доступными средствами. Его концепция не всегда совпадала с мнением государственного руководства Израиля, как и с мнением некоторых руководителей американского еврейства. Яша Кедми с неизменным упорством отстаивал свои взгляды, и читателю предоставляется возможность

познакомиться, с одной стороны, с его видением этой проблемы, а с другой – с точкой зрения по этому вопросу израильского руководства и лидеров американского еврейства того времени.

Большая волна репатриации из Советского Союза, которая началась в начале 90-х годов прошлого века, круто изменила Израиль. Кедми описывает свое восприятие образа этого еврейства, его различных лидеров и то, каким оно видит себя. Тот, кто действительно захочет понять, что происходило с этими людьми с того момента, как они прибыли в Израиль, получит, прочитав эту книгу, информацию из первых рук.

Чем определяются сложнейшие отношения между приехавшими в Израиль из бывшего Советского Союза и теми израильтянами, с которыми они встретились в новой стране? Как воспринимаются новоприбывшими Израиль и израильтяне и как новоприбывшие отнеслись к приему, ожидавшему их в Израиле? Как относится Яша Кедми к действиям израильских правозащитных органов, которые в силу своего разумения или, может быть, глупости видят признаки стратегической угрозы в лице прибывших к нам представителей «организованной преступности». У Кедми четкая и ясная позиция по этому вопросу, и он излагает ее со всей прямоотой.

Заключительные части книги посвящены последней войне Якова Кедми в должности главы «Натива» – борьбе против серьезных сил в руководстве страны, которые стремились закрыть эту государственную организацию или существенно ограничить ее деятельность, утверждая, что цель достигнута и в деятельности «Натива» нет дальнейшей необходимости. В качестве директора Моссада я был свидетелем этой борьбы, и мне хорошо помнятся наши тогдашние встречи с Яшей Кедми, всегда дружеские и доброжелательные. В апогее этой борьбы он ушел в отставку, и премьер-министр назначил другого человека на его должность. Я уверен, что Яша Кедми согласится с моим мнением, – после его ухода «Натив» изменился до неузнаваемости, и, по мнению многих, слава этой организации померкла.

Эта книга, с одной стороны, позволит израильскому читателю заглянуть в душу еврея, борца за свободу, – одинокого волка, который осуществил свою мечту выехать в Израиль. И который впоследствии вернулся на поле своей личной битвы во главе государственной службы, подобной которой нет ни в одном государстве в мире. На этот раз к его выдающимся личным качествам прибавился жизненный опыт, который помогал ему в достижении поставленных

целей. С другой стороны, воспоминания Кедми позволят евреям из России еще раз с гордостью взглянуть на это великое событие – их выезд в Израиль – глазами непосредственного участника событий, одного из них. Что же касается израильского читателя, не выходца из Советского Союза, то он сможет посмотреть на себя со стороны и, может быть, узнает и поймет о себе что-то новое.

Человек, прочитавший эту книгу, не останется равнодушным к написанному в ней.

И в заключение позволю себе личное замечание. Некоторые лица, описанные в этой книге в довольно нелестном свете, известны и знакомы мне по нашей совместной прошлой деятельности. С некоторыми из них я сталкивался по делам службы в самые критические для истории Израиля моменты. Мое мнение по их поводу, основанное на опыте общения с ними, отличается от авторского. Такие люди, как Симха Диниц, который, кроме прочего, был послом Израиля в США во время войны Судного дня, или Цви Барак, который был начальником финансового отдела Еврейского Агентства во время операций по вывозу в Израиль евреев из районов опасности, оставили по себе совсем иное впечатление. Мой разнообразный опыт работы с членом Верховного суда, судьей Эльякимом Рубинштейном, резко отличается от того, что написано Яковом Кедми, и я рад, что отношусь к многочисленному кругу его друзей. Но эта книга написана Яковом Кедми, а не мной, это его мысли и его стиль. Его вклад и его заслуги позволяют, а возможно, и обязывают издать эту книгу.

Эфраим Халеви,

бывший директор Моссада,

бывший председатель Совета безопасности Израиля

От автора

Это не автобиография. Скорее, речь идет о разрозненных воспоминаниях, которые я решил записать. Жизнь научила меня говорить только то, что нужно и

можно. Так я и писал эту книгу.

Я работал над книгой в течение года, писал по памяти. Дневников у меня никогда не было, и поэтому я не пользовался документами или письменными источниками. Не исключено, что в тексте могут быть некоторые неточности. Однако я предпочел не пользоваться архивами «Натива» и других учреждений или частных лиц.

Я писал воспоминания на иврите, хотя этот язык для меня не родной. Тем не менее, так мне было проще рассказать о многих событиях, которые описаны в книге.

Мне посчастливилось стать участником важных для моего народа и моей страны исторических событий. Некоторые аспекты нашей недавней истории лишь частично известны широкому кругу читателей.

Моя точка зрения далеко не всегда совпадает с общепринятой – это во многом связано с моим жизненным путем. Почти сорок лет я принимал активное участие во многих ключевых событиях, связанных с жизнью еврейского народа. Был одним из первых активистов, начавших борьбу за выезд из СССР. После репатриации принимал участие в общественной жизни и борьбе за изменение политики Израиля по отношению к евреям Советского Союза и их выезду с израильской бюрократией. Я пытался изменить политику страны в этом вопросе в соответствии с моими взглядами. В конце концов решение этой проблемы стало моей профессией. Двадцать два года я проработал в одной из самой лучших спецслужб мира и удостоился чести стать ее руководителем. Таким образом, мне представилась возможность не только кардинально повлиять на эмиграцию евреев из СССР, но и оказать реальное влияние на судьбу государства Израиль и еврейского народа.

По соображениям секретности и из желания сконцентрироваться на сути происходящего я старался описывать только те события, в которых принимал непосредственное участие. Подробный и детальный анализ всех описываемых событий не входил в мои планы. Я также не претендую на исчерпывающее описание борьбы евреев за выезд из СССР; я пишу лишь о том, что видел собственными глазами.

Название книги «Безнадежные войны», на мой взгляд, наиболее полно отражает события всей моей жизни. В дальнейшем я объясняю, как и при каких обстоятельствах оно родилось.

Я очень признателен Реувену Мирану, Дуби Шилоаху и Йонадаву Навону, которые помогали мне советами во время работы над книгой. Но, прежде всего, я бесконечно благодарен моим родным и близким, которые поддерживали меня в самые разные периоды моей непростой жизни и поощряли взяться за перо.

Август, 2008 г.

1

Черный пес – огромный, угрожающий, он намного больше меня. Этого пса все боятся. А я его не боюсь – мы дружим. Нам обоим примерно по три года. Его зовут Джульбарс, это моя собака. Я не понимаю, почему его все боятся. Он делает все, что я ему велю. Я даже катаюсь на нем верхом.

Это мои первые воспоминания. Возможно, именно тогда я впервые почувствовал, что могу не бояться того, чего боятся другие. Я понял, что могу управлять тем, что внушает страх, точно так же, как своей кавказской овчаркой.

А потом Джульбарса увели. Сказали, что он слишком опасен. Я плакал и ужасно тосковал. Папа привел мне другого пса. Его звали Пиратом. Красивая немецкая овчарка. Такая же огромная, как Джульбарс. Мы очень быстро подружились. И на нем я мог кататься верхом и запрягать в саночки, и его боялись все, кроме меня. До сих пор очень люблю больших собак.

Второе детское воспоминание, которое врезалось мне в память: как меня в первый раз дразнили за то, что я еврей. Я не понял, о чем идет речь, но почувствовал, что это что-то плохое. Когда я пришел домой, то спросил родителей, что значит «еврей», потому что так обзывались ребята, которые меня дразнили. Почему они дразнят только меня?

Папа посмотрел на меня, потом на маму, а мама посмотрела на папу и тяжело вздохнула. И тогда отец объяснил мне, что это не ругательство, а дети – просто невоспитанные и пытаются меня обидеть. Евреи – это название народа, и мы принадлежим к этому народу. Есть и другие народы: русские, украинцы, французы. Что еще можно было сказать трехлетнему ребенку? Объяснить суть еврейской традиции и принципы отношений с антисемитами? Я понятия не имел, что такое антисемитизм.

Впоследствии я не раз сталкивался с антисемитизмом, распространенным в Москве, да и не только в ней, тех лет. Мне было почти шесть лет, когда заболел Сталин. За несколько месяцев до этого отец взял меня на демонстрацию, которая проходила на Красной площади в честь годовщины Октябрьской революции. Он посадил меня на плечи, мы шли в колонне мимо Мавзолея. Я видел Сталина и всю советскую правящую элиту. Как любознательный ребенок из интеллигентной семьи, я знал почти всех, кто стоял на трибуне Мавзолея: Молотова, Берию, Буденного с усами. Какой-то человек привлек мое внимание, и я спросил, кто этот смешной лысый дяденька, который все время размахивает шляпой. Отец посмотрел по сторонам и сказал, что в этом человеке нет ничего смешного, это очень важный человек и зовут его Никита Хрущев. Все это время Сталин глядел на проходящие по Красной площади колонны с трибуны Мавзолея. Таким я и запомнил Сталина.

Помню детский сад и двух русских воспитательниц в белых халатах. Одна из них сказала напарнице: нашего Сталина убивают евреи, все из-за них. От еврейских врачей одни неприятности, они накликают на нас беду. На всю жизнь я запомнил этот момент, уже тогда мне стало ясно, что эти вещи касаются и меня, и тогда меня охватил страх. Через несколько дней после этого я говорил с одним русским мальчиком в моей детсадовской группе. Он спросил: «А вдруг Сталин умрет?» Я закричал, что Сталин не может умереть, он будет жить вечно, мы все умрем, а он будет жить, потому что вот такой он, Сталин. Такова была вера. Абсолютная, почти религиозная вера в установленный великим Сталиным порядок, справедливее которого нет на свете. Великий вождь был как бог, несмотря на провозглашаемый на государственном уровне атеизм.

Сталин умер через два дня. В первый (но не в последний) раз в жизни рухнули выстроенные мной представления о мире, которые казались мне идеальными и справедливыми, в которые я пылко и безоговорочно верил. Для шестилетнего ребенка такой урок был шоком. Сталин умер как раз в тот день, когда мне исполнилось шесть лет, 5 марта 1953 года.

Я родился в типичной советской еврейской семье. Моя мама родилась уже в Москве. Ее родители переехали туда с Украины в конце XIX века. Москва тогда была за пределами черты оседлости, но семья получила разрешение на жительство в Москве. Отец родился в Смоленске. Мой дед со стороны отца приехал в Смоленск из Самары. Моя бабушка со стороны отца была родом из Западной Белоруссии. В 1945 году отец окончил немецкий факультет Военного института иностранных языков и через Москву направлялся в свою часть, которая располагалась в Австрии. В вагоне метро он заметил красивую еврейскую девушку. Маме тогда было 19 лет. Он заговорил с ней, они назначили свидание, вскоре поженились, и отец проследовал дальше в свою часть.

Я учился в той же школе, которую окончил мой дядя, родной брат матери. Треть учеников в его классе были евреями. Мамин брат, Шурик, окончил школу 21 июня 1941 года. Все ребята из его выпуска, кроме одного, погибли на войне. Он пошел добровольцем в танковые войска и погиб в сражении неподалеку от Москвы. Ему было всего двадцать лет. В его честь называли моего младшего брата Шурика. Мой дед по отцовской линии, в честь которого меня называли Яковом, тоже погиб на войне. У его вдовы, моей бабушки, было четыре сестры, которые остались в России. Остальная часть семьи, в том числе шесть сестер и брат, еще во время Первой мировой войны успели эмигрировать в США. Бабушка и ее четыре сестры не успели выехать. Все они вышли замуж за евреев, и ни один из них не вернулся с войны. У всех родились сыновья, которые по окончании школы пошли служить в армию. Мой второй дед по материнской линии тоже служил в армии во время войны, в чине капитана.

Мама, пусть земля будет ей пухом, в возрасте пятнадцати лет участвовала в обороне Москвы. Когда немцы подошли к столице, сотни тысяч жителей пешком покидали город. Мама и бабушка остались. У них и в мыслях не было уходить, даже если немцы возьмут город. Когда я спросил маму почему, она объяснила, что никто еще не знал о зверствах фашистов. Вместе с другими ребятами по ночам она носилась по крышам под немецкими бомбежками и гасила падающие зажигалки. А еще они пытались ловить немецких шпионов, которые направляли бомбардировщики на цели. Мама получила медаль «За оборону Москвы».

В 1943 году, когда маме было уже почти семнадцать, ее вызвали на беседу в одну из спецшкол НКВД. Ей предложили поступить на службу, где ее сначала должны были учить подрывному делу и радиосвязи, чтобы потом выбросить с парашютом в немецкий тыл вместе с группой разведчиков. Мама подумала над этим предложением и отказалась. Когда я спросил почему, она ответила, что не

думала, что подходит для этого.

Такова была атмосфера, в которой я рос и воспитывался, атмосфера и наследие моей семьи.

Один странный случай произошел с мамой незадолго до того, как я родился. Когда она была беременна мной, мимо ее дома прошла толпа цыган. Молодая цыганка подошла к маме и сказала: идем со мной, я тебе погадаю. Мама была комсомолкой и не верила в предрассудки, а потому отказалась. «Не уходи, – уговаривала ее цыганка, – лучше выслушай, что тебе жалко?» В конечном итоге цыганка убедила маму и сказала: «У тебя родится сын, если этот сын доживет до года, то, когда вырастет, увезет вас всех в далекую страну за морем». Мама с недоверием выслушала цыганку. Все это произошло в 1946 году, когда в СССР процветали доносы и одна мысль о желании выехать из страны могла стоить десяти лет заключения.

Мама вспомнила о цыганке, когда я начал борьбу за выезд. Однако сам рассказ я услышал от нее только после ее приезда в Израиль.

2

Мое детство было обычным для ребенка из ассимилированной московской еврейской семьи 50-х годов XX века.

Мама не говорила на идиш. Папа знал этот язык и иногда говорил со своей мамой на идиш. Я вырос в советском обществе, в Москве, где говорили на русском языке. Я знал, что я еврей, однако мое еврейство и государство Израиль были от меня слишком далеки.

В 1956 году отец рассказал мне, что видел израильскую делегацию на Фестивале молодежи и студентов и был приятно удивлен их молодой уверенностью в себе и ощущением радости, которое исходило от этих девушек и ребят. Еще раз зашла речь об Израиле во время Синайской войны. Больше об этом не говорили до самого суда над Эйхманом.

Когда я подросток, все, связанное с понятием «евреи», вызывало мое любопытство и интерес. В школе я мало сталкивался с евреями, а если о евреях иногда и писали в газетах, то обычно с отрицательным оттенком. Когда мне было девятнадцать лет, в период экзаменов в институте я разговорился с одним знакомым еврейским парнем. Он сказал, что у него есть кое-какие брошюры и предложил мне их почитать. Не дожидаясь моего ответа, он протянул мне небольшой буклет с общими сведениями об Израиле и еврейским календарем на обложке. Это был календарь на русском языке, который напечатали в Израиле и привезли в СССР с помощью организации «Натив» в попытках пробудить национальные чувства среди еврейского населения.

Листая брошюру, я обратил внимание на фотографии людей. Некоторые из них были моими сверстниками. Меня охватило странное чувство – ощущение причастности к тому, о чем я сейчас читаю. Когда я закончил просматривать календарь, я пошел прогуляться. Я всегда любил ходить и думать. И я задумался: почему они там, а я здесь? Если я еврей и есть еврейское государство, почему я должен находиться вне его? Это было смешение чувств и мыслей, которое странным образом захватило меня.

С этого момента я потерял покой. Целые дни я думал об этом и в результате сформулировал для себя важный вопрос: могу ли я позволить себе не быть частью того, что происходит в еврейском государстве с еврейским народом? Могу ли я растрачивать жизнь на другие вещи, которые по сравнению с этим лишены всякого смысла? Я почувствовал, что обратной дороги для меня нет.

Я не могу объяснить – по крайней мере, с рациональной точки зрения, – почему это произошло. Все, что интересовало меня раньше, вдруг потеряло всякую ценность. Видимо, наконец вырвалось все, что накопилось за годы, прошедшие с того момента, когда я впервые услышал презрительное обращение: «еврей!» Все, от чего я пытался отрешиться, о чем я пытался не думать, все недомолвки, неясное ощущение своей национальной принадлежности, – все это тихо тлело во мне, дожидаясь подходящего момента. Впервые я почувствовал гордость за то, что я еврей, и эта гордость была связана с Израилем. Я скорее ощутил, чем осознал, что хочу гордиться собой, жить с самим собой в мире, но это возможно только в Израиле. Любая другая альтернатива подразумевала компромиссы и самообман. Решение было принято еще до того, как я полностью осознал его суть и последствия. Я просто не мог иначе.

Через несколько дней, в начале февраля 1967 года, я пришел в синагогу. Раньше я там не бывал. Однажды мы ехали с отцом в автобусе, он показал мне в окне какое-то здание: «Видишь, там стоят люди? Это евреи пришли праздновать еврейский Новый год». Тогда я пропустил его слова мимо ушей, хотя место запомнил. Войдя в синагогу, я подошел к какому-то старику и спросил: «Не знаете ли вы адрес израильского посольства?» Он испуганно посмотрел на меня, потом огляделся по сторонам и дал мне адрес. В те далекие времена в СССР нельзя было получить адрес посольства. Советский человек, да еще и еврей, обычно держался подальше от иностранных посольств, в особенности западных, не говоря уже об израильском.

Я решил пойти и посмотреть на израильское посольство, хотя понятия не имел, что буду там делать. Я прошелся по противоположной стороне улицы, увидел открытые ворота и вывеску с ивритскими буквами. Перед зданием прохаживался милиционер. Я принял решение в мгновение ока: перешел на другую сторону улицы и размеренным шагом, как обычный прохожий, двинулся к милиционеру. Он бросил на меня взгляд и продолжал следить за улицей. Видимо, не заметил во мне ничего подозрительного. Я рассчитал шаги до момента, когда я дойду до ворот, а милиционер окажется спиной ко мне. Я ринулся в ворота и через мгновение оказался внутри. Милиционер обернулся, но не успел меня схватить: я был уже на территории посольства. Он помчался в будку звонить. Я вспомнил сказанное Юлием Цезарем: «Рубикон перейден!» Прорыв в посольство был шагом, после которого обратного пути не оставалось.

Слева во дворе был гараж. Из него вышел невысокий человек и быстрыми шагами направился ко мне. С первого взгляда я понял, что это советский гражданин и нееврей. Он подошел ко мне и, как принято, грубо прикрикнул: «Катись отсюда!» Я сказал ему тихим голосом, что здесь территория государства Израиль и нечего ему здесь хозяйничать, пусть катится в свой ср...ый гараж и занимается делом. Я прошел московскую «дворовую» школу, где приобрел богатый запас лексики, которая была, мягко говоря, не совсем нормативной. Там же я понял, что перед такими людьми нельзя проявлять слабину, с ними говорят на языке приказов и как можно грубее. Форма речи, язык тела, взгляд – все это очень важно. Я видел, что этот человек уже на грани срыва, но я знал, что он мне ничем не угрожает. И в самом деле, он понял, что ему больше делать нечего, и направился обратно в гараж. Я огляделся. В глубине двора была парадная дверь с занавеской. Я заметил, что из-за нее кто-то выглядывает.

Когда я подошел, дверь открылась. Передо мной стоял элегантно одетый мужчина. Его вид, взгляд, выражение лица были какими-то «несоветскими». Он обратился ко мне на странноватом русском языке: «Шалом, заходите, пожалуйста». Я вошел. Он спросил: «Чем могу быть вам полезен?» Я сказал, что я еврей и хочу выяснить, как мне выехать в Израиль. Еще за секунду до этого я не имел ни малейшего понятия, что я ему скажу. «Хорошо», – сказал он и пригласил меня в кабинет. Мужчина спросил меня, кто я и чем занимаюсь, есть ли у меня родственники в Израиле. Я ответил, что у меня в Израиле никого нет, разве что в Штатах живут бабушкины сестры, так что у меня нет никаких связей с Израилем. Он сказал: «Хорошо. Пока не могу сказать вам ничего определенного. Если вы действительно серьезно настроены, приходите через неделю-другую, тогда поговорим». Перед уходом я попросил материалы об Израиле. Он проводил меня к столу, на котором лежали брошюры на русском языке. Я взял брошюры и рассовал их по карманам. Среди них был тоненький учебник иврита.

Впоследствии оказалось, что человека, с которым я тогда разговаривал, звали Герцель Амикам, в свое время он был членом подпольной еврейской организации, боровшейся против англичан, ЛЕХИ (Борцы за свободу Израиля). Он приехал в Израиль из Латвии в 1938 году и был близким другом Ицхака Шамира еще со времен подполья. Когда Шамира призвали в Моссад, он взял с собой Амикама (которого друзья называли просто Герцке). Среди прочего Амикам занимался в свое время также поисками нацистских преступников. «Натив» «одолжил» Герцке у Моссада для службы в Москве.

В Москву он попал не случайно – это интересная история сама по себе. Брат Герцке, узник Сиона по фамилии Вархафтиг, старый член «Бейтара», после долгих лет лагерей освободился и жил в Риге. В начале 1966 года после многих запросов он получил разрешение выехать в Израиль. В одной из бесед сотрудник КГБ сказал: вместо того чтобы посылать в московское посольство непонятно кого, пусть лучше Израиль направит туда вашего брата Вархафтига, который от израильской разведки занимается поисками нацистов в Латинской Америке. Надо отметить, что Герцлю Амикаму и раньше предлагали отправиться в Советский Союз в качестве представителя «Натива», но он справедливо возразил, что готов служить в Москве только после того, как его брата выпустят в Израиль.

Через много лет после того, как я прорвался в израильское посольство, когда я уже работал в «Нативе», мне довелось ознакомиться с отчетом Амикама о нашей

встрече. Документ заканчивался словами: «Я посмотрел на юношу, выходявшего из посольства, подумал, что больше никогда его не увижу, а потом у меня промелькнула мысль: хороший парень, он мог бы быть офицером в Армии Израиля».

Когда я выходил из посольства, меня уже ждала группа милиционеров – они кипели от ярости, ругались и кричали. Меня завели в дежурное помещение и начали допрашивать. Я тут же вручил им свой паспорт. Собираясь в посольство, я понимал, что, если мной займется милиция, нет ничего глупее, чем оказаться без документов. Я рассказал милиционерам байку о дедушке, который пропал во время Великой Отечественной войны и, возможно, оказался в Израиле; о том, что я оставил в посольстве его данные и, может быть, его найдут в Израиле. Милиционеры сказали, что с этим нужно обращаться в Красный Крест. После получасовой перебранки, звонков и прочего их начальство, наконец, решило, что со мной делать. Меня отпустили, предупредив, чтобы я больше не врывался в посольство и вел себя примерно. Было видно, что они растеряны и сбиты с толку и поэтому даже не обыскали меня. Я не думал, что за визит в посольство меня могут посадить. В советской бюрократической системе принятие решений было делом медленным и запутанным. Ее реакция всегда запаздывала: если мои инициативы были более быстрыми и заставляли представителей властей врасплох, у меня оставалось в запасе время для ответного хода.

После этого события в моей голове начали бродить разные мысли, которые я пытался отталкивать до тех пор, пока они окончательно не оформились. В те дни я не решался довести их до логического конца. Сегодня, через много лет, я могу спокойно анализировать события того времени и то, что беспокоило меня тогда. Когда я пререкался с советским чиновником во дворе посольства, Амикам смотрел на нас в окно. Он не рискнул выйти и вмешаться, а после не вышел проводить меня на улицу. Он всем сердцем болел за еврейского юношу, который посмел ворваться в посольство, однако тогдашние инструкции, ментальность и оперативная концепция не позволили ему проводить меня и тем самым показать властям, что я не одинок, что он, представитель Израиля, каким-то образом защищает меня. Подсознательно я ждал именно такого обращения и был разочарован тем, что этого не произошло. В конечном итоге я постарался забыть об этом случае. Он всплыл в моей памяти только через много лет, когда я уже жил в Израиле и мог оценить ситуацию объективно.

Помня об этом опыте, когда я возглавил «Натив», я отдал сотрудникам распоряжение в любой ситуации защищать евреев и сопровождать их, если

существует возможность столкновения с властями. И власти, и те, кто к нам обращается, должны знать, что мы защищаем евреев и не будем стоять в стороне. Этот принцип я повторял на каждом инструктаже – даже когда у нас не было реальной возможности действовать в соответствии с ним. Я знал, что это выходит за рамки дипломатического протокола и я не получу поддержки ни от моего начальства, ни от государства Израиль. Однако это стало моим первым и главным правилом: не бросать евреев на произвол судьбы, как когда-то оставили меня.

Вернувшись домой, я спрятал брошюры и не сказал никому ни слова. Я читал их поздней ночью, втайне от домашних, чтобы избежать расспросов. Через неделю я вернулся в посольство, не будучи уверенным, что мне позволят войти. И снова я пошел по противоположной стороне улицы, проследил за милиционером и решил действовать по старому плану. У ворот уже был другой милиционер, тоже в звании капитана. Когда я прорвался во двор, из гаража никто не вышел, и я направился сразу к входу. Позвонил в дверь. Мне открыла элегантная женщина. Она спросила меня по-русски с акцентом, что мне нужно. Я ответил, что пришел к Герцлю Амикаму. Она ответила, что его нет в Москве, он вернется через пару дней. Женщина спросила, как меня зовут. Я назвал себя, она велела мне подождать и ушла. Это была Эстер, жена Давида Бартова, который возглавлял отделение «Натива» в Советском Союзе. Через несколько минут он вышел ко мне сам. МИД Израиля назначал только посла и начальника охраны и безопасности, все остальные сотрудники были из «Натива», но мне тогда, конечно, эти тонкости были неизвестны.

До того как возглавить «Натив», Давид Бартов был адвокатом, а впоследствии, во второй половине восьмидесятых, секретарем Верховного суда Израиля. Однако не менее важно, что он был братом Хаима Исраэли, бессменного советника всех министров обороны, начиная с Давида Бен-Гуриона, с момента образования Израиля и до начала двухтысячных годов. Кроме того, он был другом Шайке Дана, основателя «Натива». Бартов был родом из Западной Белоруссии, которая до 1939 года входила в состав Польши. Во время Второй мировой войны он находился в Советском Союзе и хорошо говорил по-русски. Беседа с ним была вежливой и стандартной. Он знал обо мне из отчета Амикама и предложил прийти через неделю, когда тот вернется. Я попросил еще книг и брошюр, и мне их выдали.

На этот раз, когда я вышел из посольства, то уже не боялся. У ворот не было никого, кроме того самого милиционера. Он уже доложил обо мне и знал, в чем

дело. Когда он записал мои данные и спросил меня, почему я врываюсь в ворота, мне пришлось объяснить, что я не был уверен, что он даст мне войти. Он сказал: «По закону я не могу помешать вам войти в посольство. Я обязан вас пропустить. Предъявите документы, и я вас пропущу. Но если вы будете вот так врываться, у меня будут неприятности. Меня могут лишиться премии или объявить выговор. Придете, попросите по-человечески, и я вас пропущу». Я извинился, поблагодарил его и ушел.

Через неделю я опять пришел в посольство. На этот раз там стоял незнакомый милиционер, и тоже в звании капитана. Я подошел к нему и протянул паспорт. Он посмотрел на меня с удивлением и спросил, чего мне надо. Я ответил, что хочу пройти в посольство. Милиционер возмутился: «С чего вдруг? Проваливай!» Я посмотрел ему в глаза и сказал: «Возьмите, пожалуйста, паспорт и запишите мои данные. Я не прошу у вас разрешения войти. Вы не имеете права меня не впустить. Если хотите, звоните начальству, доложите обо мне, и я войду в посольство. Вам ясно?» Советские милиционеры совершенно не привыкли к такому стилю общения, тем более со стороны девятнадцатилетнего юноши. Было видно, что милиционер в замешательстве. Он что-то пробормотал, пошел к телефону, потом вернулся красный от ярости и отдал мне честь. Он вернул мне паспорт и сказал, что я могу войти. Я поблагодарил его и зашел в посольство. С той поры почти всегда мне удавалось зайти в посольство без проблем, а если они возникали, то разрешались после того, как я твердо ставил милиционеров на место.

Амикам тепло встретил меня и спросил, не передумал ли я выехать в Израиль. Я ответил, что пришел именно ради этого. Он сказал: «Ладно. Может быть, нам удастся что-то для вас сделать. Через неделю я подготовлю документ, которым вы сможете воспользоваться». Я поинтересовался, какова ситуация в Израиле и в особенности на северной границе, где росла напряженность между Израилем и Сирией. Амикам рассказал мне, что там происходит. Картина, которую он мне нарисовал, разительно отличалась от сообщений советской пропаганды. Как обычно, я взял книги и брошюры и вышел из посольства. На улице меня никто не поджидал. Я попрощался с милиционером. В ответ он отдал мне честь, и я поехал домой. По дороге меня осенила мысль: возможно, власть намного слабее, чем мы себе представляем, и большую часть ограничений мы на себя накладываем из-за собственных страхов. В любом случае я был доволен. Мое первое противостояние с властью закончилось быстро, и я победил.

Через неделю я опять прошел в посольство без всяких проблем. Меня ждал Амикам. Он протянул мне лист бумаги. Документ был составлен на русском языке, наверху был герб Израильского государства. В заголовке было написано: «Вызов». Документ подтверждал, что, если я получу визу на выезд из Советского Союза, государство Израиль обязуется выдать мне въездную визу как новому репатрианту. Я взял документ и спросил, что мне теперь делать. Амикам объяснил мне, что мне нужно обратиться в ОВИР и оформить выездную визу. На мой вопрос, достаточно ли этого документа, он ответил, что обычно визу на выезд из СССР выдают только тем, у кого есть прямые родственники за границей. Амикам сказал: «Если тебя выпустят, государство Израиль с радостью тебя примет. Однако разрешение на выезд ты должен получить сам. В этом мы не сможем тебе помочь». Я поблагодарил его и вышел из посольства. Мне было ясно, что придется сражаться в одиночку со всей мощью советской системы. У меня в кармане лежала бумага с израильским гербом и моим именем – это придавало мне сил. Однако чувство опасности, азарта и готовности к схватке, невероятное напряжение в ожидании борьбы сопровождало меня еще многие годы.

Когда я пришел в ОВИР и обратился к сотруднику в приемной, он посмотрел на меня с удивлением и спросил, есть ли у меня приглашение от родственников. Вместо ответа я протянул ему документ, который мне выдали в посольстве. Он усмехнулся: «Это просто бумажка, она для меня ничего не значит. Вам нужно приглашение от прямых родственников. Если у вас такого приглашения нет, вы не можете подать заявление с просьбой о выезде в Израиль». Я не стал с ним спорить, только спросил, кому я могу подать апелляцию.

Советские чиновники нормально воспринимали подобные требования. В странах со сложной бюрократической системой всегда была возможность для апелляций и жалоб. В этом смысле израильская бюрократия стала сюрпризом для многих репатриантов из СССР. Когда они пытались выяснить, кому и на кого можно жаловаться, израильские чиновники удивлялись: «О чем это вы? Жаловаться некому». В Израиле каждый чиновник обычно представляет собой последнюю и высшую инстанцию. Советский гражданин всегда знал, что может пожаловаться начальству вплоть до главы правительства. Тогда мне сказали, что ОВИР районный, поэтому я могу подать жалобу в городской ОВИР.

Я обратился в московский городской ОВИР, но там даже говорить со мной не захотели. Мне сказали, что этот вопрос находится в компетенции районного ОВИРа. «Мы не принимаем заявлений от частных лиц, вам здесь нечего делать» –

таков был вердикт. Я спросил, где ОВИР Советского Союза, и мне выдали адрес. Я написал жалобу, что у меня не принимают заявление, приложил к ней документ, полученный в посольстве, и отправил письмо во всесоюзный ОВИР. Так мое заявление на выезд в Израиль приняли не в обычном порядке, а как жалобу-апелляцию.

3

После того как я подал жалобу во всесоюзный ОВИР, то рассказал обо всем родителям. Они вернулись с работы, мы все сидели в кухне. Я сказал, что был сегодня в израильском посольстве. Если бы я сообщил, что через пять минут в дом зайдет инопланетянин, шок был бы меньший. Не веря ушам своим, отец попросил меня повторить. Я снова сказал, что был сегодня в израильском посольстве. «Зачем?!» – воскликнул отец. Я объяснил, что уже бывал там. Отец был в шоке: «Кто позволил тебе войти?» Я объяснил, что несколько раз мне пытались не позволить, а теперь разрешают. Он продолжил расспросы: «Чего ты хотел?» Я сказал, что интересовался возможностью выезда в Израиль. Это повергло моих родителей в полный шок, и отец не нашел ничего лучше, чем спросить: «Что ты будешь там делать?» Я ответил, что собираюсь там жить, как все остальные израильтяне. «Что ты знаешь об Израиле? Разве ты сможешь там продолжать учиться? Или работать? Ты не знаешь ни языка и вообще ничего. Как ты там будешь жить?!» – продолжал отец, уже в полном отчаянии. Я сказал, что пока не знаю деталей. Отец воскликнул: «Разве так отвечает серьезный человек?! Ты хочешь поехать в незнакомую страну, о которой ничего не знаешь, а когда тебя спрашивают, тебе даже нечего ответить». Я сказал, что мне неважно, как я буду там жить и как устроюсь. Живут же там люди, больше двух миллионов, и я хочу жить точно так же, как живут они.

После этого беседа уже продолжалась более спокойно, хотя напряженность сохранялась. Беседа запутавшейся советской еврейской семьи, которая пришла в ужас оттого, что их сын собирается поломать себе жизнь. Я показал им брошюры из посольства, но это только подлило масла в огонь. Родители спросили: «Разве не опасно держать у себя такие материалы?» Я ответил, что в этих материалах нет ничего антисоветского, здесь вообще не упоминается Советский Союз. Что может быть противозаконного в книжке на иврите? Родители спросили, учу ли я иврит. Я ответил, что изучаю язык по самоучителю. Я действительно начал заниматься ивритом. Это было непросто, поскольку я

никогда не слышал живого языка. Несколько раз я ходил в синагогу, но молитвы были непонятными – ведь, кроме всего прочего, они читались в ашкеназском произношении. После этого разговора жизнь дома изменилась. Родители пытались убедить меня в том, что я делаю ошибочный шаг, который нанесет огромный вред мне и всей нашей семье – в особенности будущему моих младших брата и сестры. Однако для меня жизнь продолжалась только в одном направлении и крутилась вокруг единственной оси: посольство Израиля – советские власти, и я посередине. Тогда я не только учился, но и работал младшим инженером в научно-исследовательском институте, чтобы помогать родителям материально. Я не мог позволить себе учиться и не работать. Семья из шести человек, из которых трое – дети, была довольно редким явлением для Москвы, особенно среди евреев.

Через некоторое время я получил приглашение в ОВИР. Там мне объяснили, что мое заявление противоречит установленным правилам и инструкциям. Власти не могут удовлетворить мою просьбу, поскольку у меня нет родственников в Израиле, а выезд в Израиль разрешается только тем, у кого в Израиле прямые родственники. Поскольку я родился в СССР, моя семья здесь, и у государства нет никаких оснований разрешить мне выезд.

Я ломал голову над тем, что мне теперь делать и какие дальнейшие шаги предпринять. Мне приходили в голову самые смелые идеи, но я понимал, что крайние меры могут вызвать ответную реакцию со стороны властей. Было ясно, что они не позволят мне выехать из страны обычным образом. Значит, мне придется поставить власти в такое положение, когда они не смогут игнорировать мои действия и будут вынуждены сделать одно из двух: либо меня выпустить, либо посадить в тюрьму. Если я соображу, как спланировать все таким образом, что мой арест будет невыгодным для них, тогда появятся шансы, что меня выпустят.

Тем временем продолжалась бюрократическая канитель: апелляции, отказы и снова апелляции. Было очевидно, что этот порочный круг нельзя разорвать без радикальных шагов с моей стороны. Я начал подумывать об отказе от советского гражданства. Этот вариант представлялся мне наиболее эффективным – как с принципиальной точки зрения, так и с точки зрения общественного резонанса. С одной стороны, в этом нет нарушения закона, с другой стороны – это очень мощный общественный протест, беспрецедентный для Советского Союза. Осталось выбрать подходящий момент.

На Ближнем Востоке обстановка накалялась и дело шло к войне, а в Москве тем временем проходила международная выставка продуктов питания. Каждый день я приходил в израильский павильон. Когда я пришел туда на официальный прием, устроенный израильской делегацией, то услышал, что Гамаль Абдель Насер, президент Египта, перекрыл Тиранский пролив. Инстинктивно я понял, что блокирование пролива означает объявление войны. Я спросил Герцля Амикама, правда ли это, и он сказал, что так и есть. Тогда я спросил, значит ли это, что будет война, он ответил: надеюсь, что нет, но, скорее всего, войны не избежать. До этого он рассказывал мне об армии и военной силе Израиля, поэтому я не опасался, что арабские страны могут победить. Я верил в Израиль, и эта вера наполняла меня преувеличенной уверенностью в военной мощи еврейского государства. Кстати, на том приеме был министр труда Игаль Алон, который находился в СССР с визитом.

Через несколько дней началась война. Таким образом, моя личная борьба оказалась связанной с международными событиями: война обострила отношения между СССР и Израилем. 11 июня 1967 года, когда израильская армия захватила Голанские высоты, СССР объявил о разрыве дипломатических отношений с Израилем. В тот же день я сказал себе: раз Советский Союз разрывает отношения с Израилем, ярываю отношения с Советским Союзом. Я поехал в приемную Верховного Совета. Согласно Конституции, только Верховный Совет мог лишить советских людей гражданства. В приемной сидели люди, которые писали и подавали заявления. Большинство обращений содержали просьбы об амнистии для заключенных родственников. Я сел в стороне и полтора часа составлял письмо, в котором сообщал о своем желании отказаться от советского гражданства. Я написал заявление и сделал копию. Письмо вложил в конверт и передал его служащей. Копию вложил в другой конверт и отправился в израильское посольство.

Возле посольства проходила демонстрация с участием арабских студентов и советских граждан. Там было много милиционеров, некоторых из них я уже знал в лицо. Когда я попросил пропустить меня, они ответили, что приема нет, дипломатические отношения разорваны, посольство закрыто, израильяне уезжают. Я спросил, кто будет представлять Израиль в дальнейшем. Милиционеры не смогли мне ответить. Я решил отправиться в американское посольство, чтобы передать письмо об отказе от советского гражданства в Комиссию ООН по правам человека. Моей целью было сообщить на Запад о своем существовании на случай, если со мной что-либо случится. Я рассчитывал, что, может быть, ООН решит вмешаться. Люди, живущие в изоляции от внешнего мира, часто бывают наивными. Оставалась одна проблема: проникнуть

на территорию посольства США. Я знал, что там охрана намного более жесткая, и все-таки решил воспользоваться схемой, которая себя оправдала в случае с посольством Израиля: предварительный осмотр местности с противоположной стороны улицы.

Тротуар напротив американского посольства был широким – почти двадцать метров. Мне удалось понять, каков порядок входа в посольство. В здании посольства было две подворотни, через которые машины въезжали в посольство, отделенные от тротуара клумбой. Расстояние между тротуаром, по которому шли прохожие, и подворотнями здания посольства составляло примерно десять метров. Дорога, ведущая к подворотням, равнялась ширине автомобиля плюс метр. Соответственно, расстояние, которое проходил милиционер от одного края подворотни до другого, было короче и равнялось примерно трети расстояния, которое мне нужно было пробежать. Для того чтобы проникнуть в посольство, мне нужно было быстро рвануть с места, а милиционеру достаточно было повернуться и сделать три-четыре шага, чтобы схватить меня. И все же я решил рискнуть.

Я пошел по тротуару, рассчитывая дойти до конца дороги, ведущей в подворотню, когда милиционер будет на другой стороне подворотни, еще спиной ко мне. В школе мне нравилось заниматься легкой атлетикой, в том числе бегом на короткие дистанции, и я умел хорошо стартовать с места. Я рванул вперед и уже на бегу увидел, как милиционер повернулся и ринулся ко мне. Мне удалось проскочить на территорию посольства. Милиционер выругался и сказал: «Выходи немедленно, а то я выволоку тебя». Я взглянул на него, улыбнулся и сказал тихим голосом, что я знаю – он идиот, но не до такой степени, чтобы не знать, что он не имеет права заходить на территорию посольства. Конечно, это было ребячество. Вероятно, подсознательно я пытался побороть свой страх грубостью и наглостью своих слов. Милиционер пообещал рассчитаться со мной, когда я выйду из посольства. Я зашел в здание, но не знал, куда мне идти. Заметив человека, похожего на иностранца, я спросил его по-английски, где находится консульский отдел. Он посмотрел на меня с удивлением и показал, куда идти. Я вошел в консульский отдел и попросил, чтобы меня принял консул. В то время правила безопасности в посольстве и процедуры общения с дипломатическими работниками были совсем не такими, как сейчас. Я вошел к консулу и вкратце рассказал ему о своем прошении выехать в Израиль и о подаче заявления об отказе от советского гражданства. Я попросил его передать Генеральному секретарю ООН и Комиссии по правам человека мое обращение. Консул был очень удивлен, но взял письмо и обещал передать его в ООН. Он пожелал мне успеха, после чего я покинул посольство.

Когда я вышел на улицу, меня уже поджидала целая группа милиционеров. Среди них был и тот, который обещал свести со мной счеты. Он сказал, что скоро с огромным удовольствием переломает мне все кости. Милиционер был почти в два раза больше меня, но у меня было еще больше наглости, и я равнодушно ответил, что еще неизвестно, кто кому кости переломает. Я был спокоен после того, как выполнил задуманное, и к тому же мне не хотелось показывать свой страх. Меня затолкали в комнатку в боковом флигеле возле посольства. Разговаривали со мной грубо. Я отвечал вежливо и тихо. Милиционеры допрашивали меня наперебой: «Что ты делал в посольстве? Зачем ты туда проник? Теперь сядешь за решетку. Мы тебя засудим за хулиганство». Я сказал им, что всего лишь хотел выяснить, кто представляет Израиль после разрыва дипломатических отношений, и наговорил им еще кучу всякой ерунды. Естественно, они мне не поверили, раздели меня донага и обыскали. Они искали записки или какие-либо другие материалы. Не найдя ничего, сказали: «Ладно, сиди тут, скоро мы отведем тебя в суд, получишь тридцать суток». В самом деле, в Кодексе была такая статья: за нарушение общественного порядка можно было посадить на срок до тридцати суток. Я ответил им, что пусть делают что хотят, попросил газету и уселся в сторонке. Перестав обращать на них внимание, я погрузился в чтение. Через несколько часов ко мне подошли, вернули паспорт и сказали, чтобы я шел домой. Они мне сделали так называемое последнее предупреждение: еще раз повторится что-нибудь подобное, и меня точно кинут за решетку или выелят из Москвы. По закону власти имели право выслать за нарушения общественного порядка из Москвы на год-два и запретить приближаться к городу на сто километров. Эту меру обычно применяли ко всяким антисоциальным элементам, к диссидентам или к тем, кто был просто не угоден властям.

Когда я вышел, то задумался, почему меня не арестовали? Было понятно, почему меня продержали несколько часов: милиционер не имел права решать подобные вопросы, ведь он был всего лишь мелким винтиком в бюрократической системе. Требовалась долгая проверка: нужно было поднять мое дело в КГБ, выяснить, кто я такой, зачем я это сделал и какие меры предпринять. Для этого два управления должны были договариваться и выяснять, чья это проблема: контрразведка, которая занимается иностранными посольствами и контактами с ними советских граждан (Второе Главное управление), и отдел, который борется с идеологическими диверсиями, диссидентами, евреями (Пятое управление). Нужно было разобраться: что обо мне известно, а что нет. В конечном счете они пришли к выводу, что ничего страшного не произошло, и отпустили меня. Возможно, просто никто не решил, как поступить с таким типом, как я.

Так закончился первый этап, до отказа от советского гражданства. Я начал готовиться к следующему этапу, его можно сформулировать так: как мне жить в стране, от гражданства которой я формально отказался. Как мне дальше бороться с властями и как строить свои взаимоотношения с окружающими, с Израилем.

4

После отказа от гражданства я ожидал реакции властей и тем временем все чаще встречался с диссидентами. У меня не было намерения участвовать в диссидентской деятельности, чтобы изменить Советский Союз. Я слушал «Голос Америки», немецкие и английские радиостанции, вещающие на русском языке. В передачах говорили о диссидентах, зачитывали их письма и декларации с адресами и телефонами подписантов. Я решил установить связь с ними. Записав адрес, я отправился к Павлу Литвинову, который был внуком советского министра иностранных дел Максима Литвинова, еврея. Павел Литвинов был одним из известных и активных диссидентов. Также я встречался с Петром Якиром, сыном Ионы Якира, советского генерала, тоже еврея, которого расстреляли при Сталине. Сам же Петр в 14 лет был сослан в сталинские лагеря.

Во встречах с ними я рассказал им о своей борьбе с советской властью. Они не проявили особого интереса. Видимо, они не понимали, кто я, зачем я все это делаю и чего я, в сущности, от них хочу. Диссиденты поддерживали связи с активистами-сионистами, например, с Давидом Хавкиным, но действовали порознь. Диссиденты отнеслись ко мне с осторожностью, даже с некоторым подозрением. Во всем мире провокации – любимый метод спецслужб, в особенности советских. Это наиболее эффективный способ борьбы с подрывной деятельностью. Необходимо также учитывать всеобщую, доходившую до паранойи подозрительность, царившую в то время. Она поддерживалась спецслужбами и подтачивала единство и эффективность диссидентского движения. Поэтому естественно, что ко мне, с которым никто не был знаком, отнеслись с подозрением. Я разъяснил собеседникам, что хотя я и сочувствую их деятельности, но не хочу жить в этой стране и у меня нет ни морального, ни законного права вмешиваться в происходящее в Советском Союзе, за исключением вопросов, связанных с правами евреев и их выездом в Израиль. Их же обязанность – отстаивать права человека в своей стране, и в том числе право евреев на выезд в Израиль. Мое общение с диссидентами должно было показать

службе безопасности, что у меня есть связи с правозащитниками и что я известен им. А у диссидентов были связи с иностранной прессой и работниками посольств.

Тогда в Москве судили Юрия Галанскова и его друзей– диссидентов, которые пытались опубликовать документы суда над Андреем Синявским и Юлием Даниэлем. Я пошел на суд. Хотя его назвали открытым, вход в зал суда был запрещен. Я хотел таким образом показать властям, что я действую, встречаюсь с людьми. Я видел там сотрудников КГБ, которые пытались тайком фотографировать присутствующих, в особенности незнакомых. После нескольких попыток сфотографировать меня я подошел к одному из них и нагло спросил, куда обращаться за фотографиями, и добавил, что готов заплатить за них. Он растерялся и исчез, бормоча: «Я не фотограф, я не снимаю, с чего вы взяли?»

Во время суда произошел интересный случай, смысл которого я понял позже. В перерыве я вышел на улицу и направился к станции метро. Когда я дошел до станции, ко мне подошел милиционер и попросил отойти с ним в сторону. Он заявил, что на соседней станции кого-то обокрали и я подхожу под описание карманника. Милиционер сказал, что хочет всего лишь проверить мои документы на случай, если я понадобится в качестве свидетеля. Я протянул свой паспорт, который всегда носил с собой. Он осмотрелся по сторонам, и к нему подошла молодая девушка, лет двадцати с небольшим, и он передал ей мой паспорт. Она просмотрела его и сказала милиционеру: «Записывайте». Милиционер записал мои данные и передал ей, и девушка тут же удалилась. После этого вернул мне паспорт и сказал, что я могу идти. Позднее я понял, что, поскольку я не был знаком группе наблюдения за присутствующими в здании суда, было решено выяснить, кто этот человек, который несколько раз приходил на процесс. Это была простая слежка.

Время от времени я встречался с группой еврейских активистов, Давидом Хавкиным и Тиной Бродетской, как правило, возле синагоги, где они выделялись на общем фоне, особенно во время праздников. Их и еще несколько десятков евреев по всему Советскому Союзу в 1958 году арестовали и осудили на разные сроки за сионистскую деятельность, которая была объявлена антисоветской, и заключили в лагеря для политзаключенных.

Там и повстречались активисты сионистского движения. После освобождения они продолжили сионистскую деятельность более осторожно, но, несомненно,

более эффективно. Было решено ограничиться акциями, которые позволят продолжать свою линию, но не будут выглядеть слишком дерзкими или опасными, чтобы не отпугивать присоединившихся новичков. Я понимал, почему они выбирают такие методы – ведь они работали среди обычных евреев, а моя борьба была борьбой одиночки, почти личной и поэтому я действовал иначе. Я думаю, что, если бы кто-нибудь из них откололся от группы, он бы мог позволить себе даже более радикальные действия, чем мои. Однако они действовали вместе, в группе, и все, что они делали, отражалось на других членах группы. И их осторожность была понятна и оправданна. И тогда, и сегодня я не вижу в этом ничего предосудительного. Каждый исполнял свой долг в соответствии со своим положением и определенными для себя целями. Вряд ли можно переоценить деятельность этой группы и других подобных групп по всему СССР, с которыми они были связаны. Рижская, кишиневская, минская, украинские группы занимались сионистской деятельностью в своих регионах. Большинство участников этих групп были осуждены в пятидесятых годах и в начале шестидесятых часто на довольно длительные сроки, а после отсидки опять вернулись к активной борьбе. Сионистская деятельность стала целью и смыслом жизни этих людей.

5

Уже после того, как я первый раз прорвался на территорию израильского посольства, я попытался разобраться и понять, что такое еврейство, Израиль, сионизм. В обычной советской библиотеке по этим темам ничего не было, кроме советской пропаганды. К счастью, я жил в Москве, где все-таки при желании можно было найти разнообразную информацию.

Я начал рыться в библиотеках, например, в Библиотеке имени Ленина, самой большой в Советском Союзе, в других центральных библиотеках, в Исторической библиотеке. Оказалось, что в Исторической библиотеке хранится масса книг по еврейскому вопросу, в том числе работы Герцля, Ахад ха-Ама, Пинскера и Макса Нордау. И, естественно, разнообразная антисемитская литература. Тогда книги по еврейской тематике еще не находились в спецхране, и не требовался особый допуск. Я не вылезал из библиотек, перерыл все, что было написано на эту тему на русском языке, включая антисемитскую литературу. Я прочел книги противников сионизма, в том числе и Ленина, и Маркса, и все, что было опубликовано в рамках идеологических споров. Однако советским гражданам не

выдавали более современные произведения на эти темы. Они хранились в библиотеке, я видел их выходные данные, но, когда я просил выдать мне эти книги, мне отвечали, что их нельзя получить без соответствующей справки о том, что эта литература необходима для работы над докторской диссертацией. За год я узнал много нового, и новые знания лишь укрепили мое желание уехать в Израиль, возникшее не на базе моего знакомства с еврейством или сионизмом. Если вначале это было необъяснимое, непонятное, нелогичное желание, то со временем я приобрел и понимание, и идейную базу.

Реакция властей на мой отказ от гражданства последовала примерно через месяц. Меня пригласили к начальнику московского ОВИРа. Начальник, в звании полковника, вызвал меня к себе в кабинет и представил мне двух человек в штатском. Обычные русские черты лица, крепкое телосложение, на вид им было лет по сорок. По их виду трудно было не понять, к какой системе относятся эти люди. Тот самый тип людей, ни одну из деталей внешности которых не вспомнишь уже через минуту после расставания. У них был не характерный для среднего советского гражданина взгляд – прямой, любопытный, пронзительный и холодный. Ничего неофициального. Хорошее владение собой на протяжении всей беседы и хорошее понимание сказанного. Московский интеллигентный говор, чистый и правильный русский язык, хотя и несколько канцелярский. Вопросы были короткие, четкие, конкретные и довольно продуманные. Они внимательно выслушивали и записывали мои ответы. Я был несколько напряжен и собран, но страха не чувствовал. Адреналин вызывал чувство азарта схватки, как на борцовском ковре. В течение своей жизни мне не раз приходилось встречаться с работниками спецслужб и разведок в самых разных ситуациях, и каждый раз я чувствовал азарт и потоки адреналина, как перед схваткой, что давало чувство внутренней мощи и легкости. Никогда это не был страх или ощущение опасности, а чувство предельной собранности перед схваткой, похожее на охотничий азарт.

Беседа продолжалась почти полдня. Чекисты вели себя вежливо, но очень самоуверенно. Это сочетание подчеркнутой вежливости, самоуверенности, замаскированной агрессивности, настороженности и быстрой реакции было характерно только для работников КГБ. Простое начальство не старалось соблюдать вежливость, не особенно прислушивалось, им важнее было давать указания и демонстрировать свой авторитет. Этим двум «гражданам в штатском» было важно понять меня и мотивы моих действий, они засыпали меня вопросами, просили меня обосновать мою просьбу, разъяснить, что я думаю по различным вопросам. Интересовались моим отношением к СССР, советскому обществу, коммунистической идеологии, национальным и международным

проблемам. Мне задавали вопросы личные, о семье, о близких. Беседа велась спокойно, однако время от времени звучали скрытые угрозы. Например, они отметили, что мое поведение необычно и такое необычное поведение может свидетельствовать о некотором душевном расстройстве, которое требует лечения в соответствующем учреждении. Все это было высказано в тихом и спокойном тоне, как будто речь шла о приглашении в музей. Они вперили в меня взгляд, наблюдая за моей реакцией, ведь намек был ясен. Я ответил совершенно спокойным тоном, с полуулыбкой, что если они думают, что им удастся отправить меня в психушку, то могут попытаться, но я буду действовать так, как считаю нужным. Они предупредили меня: «Просим вас не совершать необдуманных поступков вроде попытки сжечь паспорт на Красной площади. Мы не можем не реагировать на подобные действия. А вы этим ничего не добьетесь». Я ответил, что буду обдумывать свои дальнейшие шаги в соответствии с ситуацией и своими целями, но не собираюсь сжигать паспорт на Красной площади, поскольку уничтожение паспорта считается уголовным преступлением, а я не намерен давать легких поводов для обвинений в уголовных преступлениях.

Они перевели беседу в другое русло и задали мне вопрос: «В свое время вы должны будете служить в армии. Что вы об этом думаете?» Мой ответ был для них неожиданным. «Я не буду служить в вашей армии», – сказал я. Фраза «ваша армия» из уст советского гражданина, безусловно, резала слух сотрудникам спецслужб. И это было видно по изумленному выражению на их лицах. Я продолжил: «Есть только одна армия в мире, где я буду служить, – это Армия обороны Израиля. И ни в одной другой армии я служить не буду». Они не уступали: «А если будет война между Китаем и Советским Союзом, вы тоже не пойдете в армию?» Тогда отношения между Китаем и СССР были напряженными, и дело дошло до пограничных столкновений. Я ответил: «Я отказался от советского гражданства, я не желаю быть вашим гражданином, я не хочу жить здесь, и ваши проблемы с Китаем меня не касаются. То, что происходит с вашей страной, – проблема СССР и его граждан. Возможно, это меня интересует, но со стороны, не как советского гражданина. Я не пойду в Советскую армию, даже если вы будете воевать с Китаем». Тогда один из них спросил: «А если будет война между Израилем и Советским Союзом?» Я ответил, что, если Советский Союз нападет на Израиль, я, считаящий себя гражданином Израиля и желающий жить в Израиле, буду защищать свою страну от них. «А если Израиль нападет на Советский Союз?» – продолжал сотрудник органов. Я ответил: «Любая необузданная фантазия должна иметь какие-то границы. Не думаю, что Израиль заинтересован в том, чтобы напасть на Советский Союз, но в любом случае в вашей армии я служить не буду». Они сказали, что, если подобная проблема

возникнет, они будут действовать в соответствии с законом. Я ответил: «Вы действуйте по закону, а я – по своему усмотрению». В конце беседы они объявили: «Ваша просьба останется без удовлетворения. Поскольку нет оснований для выдачи визы на выезд и лишения вас советского гражданства, вы должны вести себя как все остальные граждане. Мы советуем вам прекратить ваши выходы и вернуться к нормальной жизни. В Израиль вы не выедете, а неприятностей не оберетесь». На этом мы расстались.

Я пытался подвести итоги беседы и позже не раз мысленно возвращался к ней. Она меня ободрила и наполнила уверенностью в своих действиях. Мои предположения оказались правильными. Вместо того чтобы жестко пресечь мои действия, власти пустились в разбирательства и дискуссии со мной. Я объяснял это слабостью системы, поняв, что власть не так уж всесильна. В споре со мной мне не предъявили серьезных аргументов. Я вспомнил заявление премьер-министра Косыгина, которое он сделал во время визита в Европе: Советский Союз не препятствует выезду граждан, желающих эмигрировать на Запад. Я подумал, что, если Косыгин был вынужден сделать такое заявление, это означает, что власти боятся общественного мнения на Западе и пытаются скрыть запрет на эмиграцию из СССР. И тут мне окончательно стало ясно, что ахиллесова пята власти – это опасение за свою репутацию на Западе.

Я вспомнил рассказ о Ленине, который мы учили в школе. В молодости Ленин оказался на допросе в царской охранке. Следователь спросил его: «С кем воюете, юноша? Перед вами стена». Ленин ответил: «Верно, стена. Только гнилая. Пальцем ткни, и развалится». Я верил, что стена, которая стоит передо мной, тоже гнилая, только не многие знают об этом. Я понял: путь к успеху в том, чтобы советские власти побоялись нанести ущерб международному авторитету страны. Тогда я задумался, как донести до западной общественности историю своей борьбы за выезд из СССР. Я сознавал всю опасность такого шага, но уже перешел свой Рубикон, и у меня не оставалось иного выбора, кроме как обострить борьбу. Я расценил беседу в ОВИРе как попытку властей понять, что происходит, откуда взялось само явление и как с этим бороться. С одной стороны, они знали о моих контактах с евреями и видели, что мой случай единственный в своем роде. С другой стороны, они не могли понять, как в нормальной, законопослушной советской семье вдруг у кого-то возникает желание уехать в Израиль. Мне тогда было около двадцати, и открытые прямые беседы граждан с сотрудниками КГБ не были распространенным явлением. Их попытка выяснить со мной отношения свидетельствовала, по-моему, об определенной растерянности в Комитете.

Косвенное подтверждение этой догадке я обнаружил, когда получил разрешение на выезд. Мне вернули документ, выданный мне в посольстве, своего рода разрешение на въезд, которое я в свое время передал в ОВИР. Я обратил внимание, что в верхнем левом углу был написан порядковый номер. Эти цифры я истолковал как номер страницы – 107. Таким образом, в деле было еще как минимум 106 других страниц, документов, свидетельств, экспертиз и всякого рода справок. 107 страниц в деле юноши девятнадцати, почти двадцати лет указывали, что была проделана серьезная работа, причинившая работникам соответствующих организаций немало головной боли. Вскоре я услышал от одного из бывших комсомольских руководителей, что осенью того года он участвовал в закрытом всесоюзном совещании руководства комсомола, где проходило закрытое обсуждение моего случая. Они пытались оценить это явление, понять его и решить, что следует делать в такой ситуации, если она будет повторяться.

Время шло, и я раз за разом подавал апелляции в более высокие инстанции. Я считал, что, прежде чем обращаться на Запад, нужно было исчерпать все возможности решения проблемы внутри страны. У меня не было особых надежд на то, что мои просьбы будут удовлетворены, но мне было важно собрать как можно больше фактов о действиях властей в моем случае. Тем временем прошел год, и я принял решение перейти к следующему этапу своей борьбы, на этот раз решающему.

6

Уже шел 1968 год, и я решил попытаться, чтобы обо мне стало известно за границей. Когда я в очередной раз подавал заявление об отказе от гражданства, я сделал с него девять копий. Эти копии я разделил на три группы. К каждому экземпляру я приложил письмо. Все эти письма предназначались для разных газет. По передачам «Голоса Израиля» у меня сложилось впечатление, что самая важная газета в Израиле – это «Давар». Предполагаю, что «Давар» действительно была самой главной газетой для тех, кто вел тогда передачи «Голоса Израиля» на русском языке. Все газетные обзоры начинались с публикаций «Давар», потом «Ла-Мерхав», а за ней «Ха-Цофе». «Маарив» и «Едиот Ахронот» упоминались крайне редко, а «Ха-Арец» не упоминалась почти вообще. Тогда я не знал, что содержание передач определялось «Нативом». Поэтому мое первое письмо было предназначено для газеты «Давар», второе для

лондонской «Таймс», а третье – для «Нью-Йорк таймс». Я решил передать эти письма иностранцам и надеялся, что они согласятся вывезти их за рубеж.

Сначала я пытался сделать это с помощью дипломатов. В течение целого месяца я вел наблюдения за автомобилями с дипломатическими номерами и мог неплохо распознавать машины основных посольств. Однажды я заметил машину греческого посольства и последовал за дипломатом, который зашел в магазин. Я подошел к нему и спросил по-английски: «Вы из греческого посольства?» Он испуганно посмотрел на меня и пробормотал: «Да». Я сказал, что хотел бы передать на Запад несколько писем, и спросил, сможет ли он взять их у меня. Он спешно ответил: «Нет-нет!» – и убежал. Я понял, что действовал не только наивно, но и попросту глупо. Это выглядело как самая настоящая провокация. Советский человек подходит к человеку на улице и как бы совершенно естественно обращается к нему, как к работнику посольства, и просит взять какие-то письма и вывезти их за рубеж. Я сильно разозлился на себя из-за такой глупости. Когда я уже служил в «Нативе», то всякий раз повторял работникам четкое указание: никогда не брать ничего у людей на улице. Ни в коем случае, ни при каких обстоятельствах, что бы ни случилось. Я предупредил их: любой, кто нарушит это распоряжение, немедленно будет отправлен обратно в Израиль. Ожидание любых провокаций со стороны спецслужб было более чем обоснованно, что могло привести к самым разнообразным и неожиданным осложнениям, как политического, так и профессионального и личного характера.

Вторую партию писем я собирался передать через посольство Великобритании. Я снова провел наблюдение за посольством, чтобы выяснить порядок входа в посольство. На этот раз я решил сойти за иностранца. Я отправился в одну из центральных интуристовских гостиниц в Москве – «Метрополь». В киоске гостиницы продавались иностранные газеты, как правило, иностранных коммунистических партий. Я знал, что воскресные выпуски были с цветным приложением на превосходной бумаге, которые по внешнему виду резко отличались от серых советских газет. Мне пришлось ждать несколько недель, пока в продаже не появился воскресный номер. Советская цензура не выпускала в продажу эти приложения, если там было что-то, о чем, по ее мнению, советскому читателю не стоило знать. Наконец мне удалось купить воскресный номер с приложением газеты французских коммунистов «Юманите».

Отправляясь в британское посольство, я надел импортный плащ, повязал на шею шарф и поднял воротник, чтобы выглядеть не как средний советский

гражданин. И к тому же начистил ботинки до блеска. Газетное приложение я зажал под мышкой, чтобы была видна латиница и цветные иллюстрации. Я подошел к воротам посольства уверенным шагом и даже не взглянул на милиционера. Краем глаза я увидел, что милиционер бросил на меня взгляд и тут же отвернулся. Вероятно, иностранная газета и мой уверенный вид сделали свое дело. Согласно правилам, милиционеры не проверяли иностранных граждан, входивших в посольства. Я вошел в здание посольства. В центре вестибюля была стойка, там сидела сотрудница посольства. Я спросил, где можно оставить материал для корреспондента газеты «Таймс». Она показала мне на ячейки для прессы. Я нашел бокс, на котором было написано «Таймс», и вложил туда три письма. Потом я задержался на пару минут, рассматривая газеты. Долгое время я думал, что советские власти не знали о моем посещении британского посольства. Однако в конце концов мне стало известно, что входы во все посольства были под постоянным видеонаблюдением. Просматривая видеозаписи, спецслужбы должны были обнаружить мой визит.

В течение нескольких недель я бродил по московским улицам, держа при себе еще одну пачку писем и ожидая удобного момента. Однажды вечером я увидел группу студентов у ресторана «Арагви». Я спросил по-английски, откуда они. Студенты ответили, что они из Германии. Я спросил, из какого города. Один из них ответил: из Гамбурга. Значит, они из Западной Германии. Я выбрал парня, который выглядел более уверенным, независимым и расторопным. Я обратился к нему, сказав, что мне нужно с ним поговорить и попросил его отойти со мной на минуту. Он последовал за мной. Я объяснил ему, что я еврей, пытаюсь выехать в Израиль, а власти не выпускают меня, и у меня есть письма, которые нужно отправить в Израиль, США и Великобританию. Я спросил, готов ли он мне помочь. Немец ответил: «Никаких проблем, давай письма». Я вручил их ему. Уже в Израиле, в «Нативе», я узнал, что мои письма пришли из Германии.

Через несколько недель я получил уведомление о посылке из Израиля. Сломя голову я помчался на почту. В посылке была пластинка израильской певицы Геулы Гиль с детскими песенками. Почтовое отправление было сделано от ее имени, и я понял, что мои письма дошли. Это был первый сигнал о поддержке после почти годового отсутствия какой-либо связи с Израилем из-за закрытия посольства. После разрыва дипломатических отношений между Израилем и СССР я время от времени посещал посольство Нидерландов, которое представляло интересы Израиля в СССР. В первый раз я прорвался туда, как обычно, а потом снова была разборка с милиционером. Впоследствии я заметил, что милиционеров из израильского посольства перевели к голландскому. Мы уже знали друг друга, и я заходил в посольство Нидерландов без всяких проблем,

иногда я даже беседовал с милиционерами на входе. В голландском посольстве я встретился с консулом, проинформировал его о моей ситуации и попросил передать информацию обо мне в Израиль.

После отказа от советского гражданства, несмотря на непризнание властями этого акта, я решил попросить гражданство Израиля. Я думал, что, если Израиль предоставит мне гражданство, это укрепит мои позиции в противоборстве с властями и обеспечит определенную безопасность. Я считал, что в Израиле, так же как и в СССР, гражданство предоставляется парламентом. Я подал через голландское посольство письмо в Кнессет с просьбой предоставить мне гражданство. Когда через месяц с небольшим я пришел в посольство Голландии, консул сообщил мне о полученном ответе: «Согласно израильскому законодательству, невозможно предоставить израильское гражданство лицу, которое не находится на территории государства Израиль». Я очень разозлился. Мне стало ясно, что существует разница между моим пониманием нашего положения в СССР и тем, как его понимают и оценивают в Израиле. И снова я сделал вывод, что могу рассчитывать только на себя. Тогда я окончательно понял, что, кроме осторожных намеков на поддержку, вряд ли можно полагаться на какие-либо реальные действия со стороны Израиля.

В то же время у меня сложилось убеждение, что в Израиле необходимо принять закон, позволяющий предоставлять гражданство тем евреям в Советском Союзе, которым власти не дают выехать в Израиль. Когда я приехал в Израиль, я предложил эту идею. Сначала к ней отнеслись с насмешкой, но, когда Биньямин Халеви, судья Верховного суда, вышел в отставку и присоединился к движению «Херут», я изложил ему мою идею. Будучи депутатом Кнессета, он провел этот законопроект в Кнессете. Правительство, «Натив» и Министерство иностранных дел, как ни пытались, не смогли помешать принятию этого закона. За многие годы более ста евреев, узников Сиона и отказников, получили израильское гражданство, несмотря на сопротивление израильской бюрократии. «Натив» также не поддерживал эту идею, по крайней мере, до тех пор, пока я не занял серьезного положения в этой организации. Предоставляемое гражданство было формальным, однако оно служило моральной поддержкой для отказников. Они пытались воспользоваться правами, связанными с получением гражданства, но израильские госструктуры никак на это не реагировали. Сам факт получения израильского гражданства отказниками не был использован на международных форумах, даже в целях пропаганды и разъяснения положения евреев СССР. Тем не менее, идея, которая сформировалась в процессе моей борьбы с советскими властями, реализовалась после моего приезда в Израиль и навязана израильскому истеблишменту вопреки его воле.

Тем временем события получили новое развитие. Примерно за полгода до того, как во мне пробудилась тяга к сионизму, в НИИ, где я работал, на меня стали давить, чтобы я вступал в комсомол. Мне уже исполнилось девятнадцать лет, а я все еще не был комсомольцем, и это было необычным явлением: юноша старше четырнадцати лет не состоит в Коммунистическом союзе молодежи. Комсорг НИИ, молодая девушка, сказала, что из-за меня у нее неприятности. Оказалось, ее организация – единственная, где есть некомсомолец. Это могло испортить ее комсомольскую карьеру, и комсорг попросила, чтобы я вступил в комсомол лично для нее. Я подумал: почему бы не сделать доброе дело приятной девушке, и согласился. Через несколько месяцев, когда я начал бороться за выезд из СССР в Израиль, то понял, что существует противоречие между моими взглядами и членством в молодежной коммунистической организации. Я собираюсь выехать в Израиль и в то же время я являюсь членом организации, руководство которой поддерживает антисемитскую и антиизраильскую политику СССР. Я сказал себе, что, если я отказываюсь от гражданства, я не могу оставаться в комсомоле даже формально. Тогда я уже работал в другом НИИ. Я обратился в местную комсомольскую организацию с заявлением о выходе из комсомола со следующей формулировкой: «В связи с желанием выехать в Израиль и отказом от советского гражданства желаю выйти из состава Коммунистического союза молодежи и не считаться членом ВЛКСМ». Шок был тотальным. Нужно понимать, что в 1968 году в СССР антиизраильская пропаганда достигла рекордного уровня, и это сопровождалось традиционным антисемитизмом. По форме и содержанию она уже дошла до уровня газеты «Дер Штюрмер», издававшейся в нацистской Германии. И вдруг комсомолец собирается уехать в Израиль да еще бросает всем в лицо членский билет! Поэтому Московский горком комсомола вместе с райкомом дали распоряжение о созыве общего комсомольского собрания, чтобы образцово-показательно заклеить антисоветчика и чтобы другим неповадно было.

Был назначен день общего собрания, повсюду развесили объявления. Мое имя и государство Израиль в повестке дня не упоминались. Однако слухи о целях собрания разнеслись молниеносно, и зал был набит битком. По моим оценкам, там собралось несколько сотен человек. Было довольно много евреев, но в основном присутствовали неевреи. Сначала выступали комсомольские бонзы.

Они говорили, что я покрыл их позором, и зачитывали цитаты из газет и партийных документов об Израиле, сионизме и т. п. Затем слово дали мне, чтобы я объяснил свою позицию. В течение часа я довольно аргументированно разъяснял свою точку зрения и свои сионистские взгляды. Впервые в жизни люди слышали полную и обоснованную лекцию о евреях и сионизме, и в зале царил абсолютная тишина. После этого из зала стали задавать вопросы, и я отвечал на них. Я стоял один на сцене перед переполненным залом и отвечал на вопросы. С точки зрения организаторов, результат собрания оказался катастрофическим. В течение трех часов сотни людей, в том числе и евреи, слушали разъяснения по неизвестным им вопросам: об идеологии сионизма, о борьбе еврейского народа за независимость и возрождении своего народа, о Шестидневной войне, о советском вмешательстве на Ближнем Востоке, об антисемитской политике, о культурном и национальном притеснении евреев в Советском Союзе. Я умел выступать на хорошем русском языке. Увлечение математикой отточило у меня способности к логическому и последовательному построению фразы и изложению мысли. Факты, изложенные не канцелярским, казенным языком, сделали свое дело. Попытки возражать мне казались жалкими и лишь укрепляли эффект моих слов. Из зала предложили заклеить мое антисоветское поведение и обратиться к советским властям с просьбой вышвырнуть меня из Советского Союза в Израиль.

Это было уже слишком. Наблюдатели из райкома партии поняли, что если такая резолюция будет принята, то это ударит по ним самим. Один из них выскочил на сцену и сказал, что он полностью разделяет чувства зала, однако нельзя вмешиваться в работу компетентных органов и необходимо дать им возможность определить самим свою позицию, независимо и профессионально. Также он предложил послать письмо в институт, где я учился, и поставить руководство института в известность о моих взглядах и поведении и сообщить о решении исключить меня из комсомола. В институте мне тут же предложили уйти самому, иначе меня завалят на ближайшей сессии. Я как раз должен был сдавать экзамен по политэкономии, по произведению Карла Маркса «Капитал». «Капитал» состоит из двух основных частей: в первой содержался анализ капиталистической экономики и общества, а во второй – учение об экономике социалистической. Поскольку первую часть я уже сдал, мне оставался экзамен по второй части – социализму. В шутку я сказал руководству, что все необходимое для жизни в будущем я уже выучил, а социалистической экономикой пусть занимаются те, кто остается в СССР. По моей просьбе мне выдали справку о том, что я покинул институт по собственному желанию, а не отчислен за недостойное советского гражданина поведение. Поскольку я работал в НИИ, связанном со строительной промышленностью, то перешел

учиться в строительный институт. На собеседовании я сказал, что хочу изменить профиль учебы в соответствии с направлением, по которому я уже работаю. В этом не было ничего необычного, и меня с удовольствием зачислили в этот вуз.

Я продолжал учиться, как вдруг получил повестку о призыве в армию. Когда я отправил в военкомат справку из института, мне пришла новая повестка. Пришлось идти и выяснять, в чем дело, – ведь студенты имели право на отсрочку от призыва до завершения учебы. Мне объяснили, что по закону отсрочка действительна до тех пор, пока я учусь в одном институте. Переходя из вуза в вуз, я терял право на отсрочку и теперь должен идти в армию. Только после окончания службы я смогу вернуться к занятиям в институте. Я понял, что попал в переделку, но твердо решил, что все равно не пойду в армию. По закону отказ от воинской службы карался тремя годами заключения – на один год больше, чем срок службы. Я подумал: лучше я буду сидеть в тюрьме, чем служить в Советской армии, армии чужого государства. Началась игра в кошки-мышки с властями. Я получал повестки из военкомата и тут же выбрасывал их. Домашним я сказал: если повестка придет с курьером, ничего не берите и не расписывайтесь, скажите, что не знаете, где я. Повестка вступает в силу с момента росписи в получении. В случае неявки после росписи в получении повестки призывника-уклониста могут немедленно арестовать.

Я стал думать, как мне избежать службы в армии. Один из вариантов, который я, как ни странно, взвешивал, сломать руку. Когда-то я уже ломал руку, играя в гандбол, и знал, что это не так страшно. Я попросил совета у одного врача-еврея, отца моего товарища. Он объяснил, как это сделать, но отказался помочь в намеренном переломе руки. Я рассматривал этот вариант в качестве крайней меры. В случае чего перелом руки позволил бы мне отсрочить службу на полгода или даже больше.

Возникли небольшие сложности и на работе. Научно-исследовательский институт, в котором я работал, проводил исследования по всему Советскому Союзу, и я ездил по разным городам. Например, как-то меня командировали во Владивосток. Я ехал туда на поезде. Ночью мы остановились в Биробиджане. Я выскочил на перрон и, как сумасшедший, уставился на вывески, разглядывая еврейские буквы. Покупая газеты, я услышал, как продавщицы переговариваются между собой на идиш. Это было очень своеобразное ощущение. А потом из спецотдела института сообщили, что мне запрещается посещать приграничные районы СССР, в том числе морские порты.

Призыв в армию производился дважды в год – осенью и весной. Мне удалось пережить весенний призыв, постепенно приближался осенний. Однако в августе 1968 года Советская армия вторглась в Чехословакию. Как ни странно, это событие сыграло решающую роль в моей судьбе и определило мое будущее. Когда начали осенний набор, то оказалось, что в армии слишком много солдат, и армия не готова принять несколько сот тысяч солдат, не демобилизовав тех, чей срок службы закончился. Но демобилизовать солдат оказалось невозможным, ведь войска в тот момент находились в Чехословакии, и призыв перенесли на весну следующего года. Это решение касалось всех без исключения, и дела всех призывников, не вдаваясь в детали, перенесли на 1969 год. Бюрократия победила! В КГБ, где наблюдали за попыткой призвать меня в армию, не видели в этом дела первоочередной важности. Они знали, что механизм запущен и мне придется или идти в армию, или предстать перед судом. Тем временем перестали посылать повестки. Когда стало ясно, что призыв отменили, я вздохнул с облегчением, сказав себе, что до весны 1969 года еще многое может произойти.

8

Однажды у синагоги я заметил человека средних лет, который беседовал на иврите с двумя евреями, туристами с Запада. Судя по одежде, он был советским гражданином, но его иврит показался мне очень хорошим. После того как он ушел, я проследил за ним. Пройдя несколько улиц, я подошел к нему и обратился к нему на иврите. В первую секунду он опешил. Мы перешли на русский, и я заметил, что у него есть легкий незнакомый акцент. Этого человека звали Авигдор Левит. Он родился в Казахстане во время войны. Его мать была русской, отец польским евреем, который покинул СССР вместе с Армией Андерса. Авигдор вырос и воспитался в Израиле, и иврит для него был родным языком. Его отец умер, мать вышла замуж во второй раз, однако через несколько лет развелась и вскоре вернулась с сыном в Советский Союз. В Израиле родители Авигдора состояли в рядах компартии, а он – в Коммунистическом союзе молодежи Израиля. Мы стали встречаться, и наша связь продолжалась до самого моего выезда в Израиль. Я разговаривал с ним на иврите. До этого мне никогда не доводилось разговаривать с людьми, для которых иврит был родным языком, и его помощь очень помогла мне в освоении языка.

Авигдор скучал по Израилю и мечтал туда вернуться. Однако в СССР он работал в разных организациях, связанных со знанием иврита, поэтому у него не было ни малейшего шанса выехать из страны. Кроме того, из-за слабого характера его личная жизнь была крайне запутанной. В целом это был несчастный человек. Для советских граждан он был евреем и израильтянином, а евреи и израильтяне считали его неевреем и к тому же предателем. В то время он работал на советской радиостанции, ведущей передачи на иврите, она называлась «Шалом ве-Кидма». Время от времени он давал мне почитать секретные материалы, которые распространялись среди работников радиостанции. Там была бесцензурная подборка из всех западных газет. Так, например, я смог прочесть все вышедшие на Западе публикации о советском вторжении в Чехословакию. Авигдор много рассказывал мне об израильской компартии, о ее деятельности, главных фигурах, которых он знал еще с детства и с которыми продолжал встречаться, когда они приезжали в Москву. Мне было интересно познакомиться с человеком левых убеждений, западным коммунистом, который верит в эти принципы не из соображений карьеры, а честно и искренне. Я никогда не встречал в Советском Союзе людей с подобными взглядами.

Как-то раз мой дедушка, мамин отец, заметил у меня цепочку с магген-Давидом. Он посмотрел на меня, вздохнул и спросил, понимаю ли я, что это за знак. Я ответил, что это еврейский и израильский символ. Дедушка подозрительно спросил, почему я его ношу. Я сказал, что добиваюсь выезда в Израиль и надеюсь, что мне это удастся. Дедушка помолчал некоторое время, а потом сказал с грустью, что не хочет со мной спорить. Он прибавил: «Внучек, ты не представляешь себе, что такое еврей, который эксплуатирует другого еврея и высасывает из него все соки. Я знаю евреев, и ты еще столкнешься с этим». Больше мы не говорили на эту тему. Когда я получил разрешение на выезд и прощался с дедушкой, он попросил меня не забывать его слова и пожелал мне успеха. В те дни я еще не понимал смысл его слов. За многие годы жизни в Израиле я не раз вспоминал мудрые слова моего дедушки, и в последнее время все чаще и чаще.

В августе 1968 года я в очередной раз был в ОВИРе и снова получил отказ. Начальник ОВИРа, сообщая мне об отказе, добавил, что политика в отношении выезда в Израиль изменилась и несколько дней назад советское правительство решило разрешить выезд тем, кто получил разрешение до Шестидневной войны и чей выезд был приостановлен из-за боевых действий. Он разъяснил, что возобновлен прием заявлений от прямых родственников из Израиля, только от родителей и детей. Но он подчеркнул, что эти изменения не распространяются на мой случай и мне следует выбросить из головы мои безумные фантазии. Я тут

же отправился в голландское посольство, встретился с консулом и попросил его сообщить в Израиль об этих изменениях в политике выезда в Израиль. Голландский консул отнесся к моим словам с недоверием, однако обещал передать их в Израиль. И хотя вроде бы изменения в политике выезда меня не касались, я пришел к выводу, что начались перемены и сам факт изменений в лучшую сторону – это хороший признак.

В отделе кадров по месту работы меня попросили принести справку из нового института. Было ясно, что, как только я это сделаю, в институт тут же отправят письмо о моей «антисоветской» деятельности. Я уволился из НИИ и пошел работать рабочим-бетонщиком на завод железобетонных изделий. На этом заводе никогда не видели рабочего-еврея. Оказалось, что моя зарплата в качестве начинающего рабочего была в два раза выше, чем зарплата младшего инженера в НИИ. Для меня это стало сюрпризом, однако я исходил из того, что это классическое проявление советской социально-экономической концепции. Работа была по сменам, и в ночь с 31 декабря 1968 года на 1 января 1969 года я должен был выходить в ночную смену.

Смена начиналась в 23:00. Перед выходом из дома я почувствовал острую боль в животе. Меня забрали на «Скорой помощи», и по дороге выяснилось, что у меня приступ аппендицита. К утру меня прооперировали. Когда я пришел в сознание, мама сказала, что ей позвонил мой приятель (тот самый, с чьим отцом я советовался по поводу перелома руки). Его отец слушал «Голос Америки» на идиш и обратил внимание, что мое имя упоминалось в связи с каким-то письмом. Меня бросило в дрожь, а потом – то в жар, потом в холод. Мама спросила, почему мое имя упоминают в передачах «Голоса Америки». Я сказал: «Мамуля! Все сработало!» Я почувствовал, что мне удалось довести ситуацию до критической точки, как я и хотел, – теперь властям придется решать: применять ко мне силу или выпустить меня. Я сформулировал это по-своему: «Мамуля, теперь я точно поеду на Восток. Вопрос только – на Ближний или на Дальний». Мне было ясно, что сложившаяся ситуация не может продолжаться вечно. Мама побледнела и замолчала. Вся семья давно уже смирилась с сумасшедшей идеей старшего сына, и домашние мне не раз говорили: «Дай Бог, чтобы тебя наконец выпустили, иначе ты закончишь свою жизнь в тюрьме. Чем жить в страхе и тревоге, уж лучше, чтобы ты был в Израиле».

Со временем, когда я уже работал в «Нативе», директор организации, Нехемия Леванон, рассказал мне, как мое письмо было опубликовано в Штатах. В то время он был представителем «Натива» в Вашингтоне и возглавлял филиалы

«Натива» в Соединенных Штатах. Мое письмо вместе с переводом на английский язык попало к нему из штаб-квартиры «Натива» в Израиле. Леванон попытался опубликовать его, однако столкнулся с неожиданным сопротивлением. Редакция «Нью-Йорк таймс» отказалась печатать мое письмо, потому что оно было «слишком воинственным». Руководители еврейских организаций Соединенных Штатов Америки, к которым он обратился, тоже отказались печатать это письмо, утверждая, что оно «слишком сионистское»! И все это происходило в то самое время, когда советские евреи рисковали жизнью, будучи уверенными, что евреи мира непременно их поддержат! Но Нехемия Леванон проявил упорство и настойчивость. Он приложил огромные усилия и с помощью нескольких человек, как евреев, так и неевреев, ему удалось вопреки всему опубликовать мое письмо одновременно в нескольких газетах – «Вашингтон пост», «Лос-Анджелес таймс» и «Чикаго трибьюн». Эффект самой публикации заставил советские власти уступить и разрешить мне выезд. Кто знает, чем бы это кончилось, если бы на месте Нехемии Леванона оказался другой человек – не такой чуткий, упорный и преданный нашей борьбе. Впоследствии мы с Леваноном немало спорили по поводу методов и поддержки борьбы за выезд евреев из СССР. Временами эти споры были очень острыми. Однако я всегда знал, что Леванон искренне болеет за наше дело и предан ему всей душой. Даже если и были сделаны ошибки, его вклад в успех борьбы за выезд евреев из СССР в Израиль невозможно переоценить. Однако тогда, в Москве, я еще ничего об этом не знал.

9

Вскоре меня выписали из больницы. Через две недели я проверял почту и заметил в ящике открытку. Когда я прочел ее, у меня из горла вырвался такой звериный вопль, что задрожал весь подъезд. Этот крик прошел сквозь этажи, стены и двери и достиг нашей квартиры. Я почувствовал, что меня обдало жаром. Казалось, еще чуть-чуть – и я взлечу. В открытке было написано: явиться в ОВИР для получения документов на выезд в Израиль. Все напряжение, все ожидания, борьба, перенесенные страдания вдруг исчезли в эту секунду. В течение двух лет я испытывал предельное одиночество, сопровождаемое постоянным напряжением и страхом. Даже не поддаваясь этим чувствам, я оставался один в этой борьбе, один против всего мира. Я боролся один с мировой державой, с ее огромной и жестокой системой, а все оставались в стороне. Те немногие, кто поддерживал меня, тоже были полны сомнений и неверия. В то мгновение я чувствовал, что победил великана. Я победил Советский Союз,

который всего полгода назад раздавил Чехословакию, и весь мир молчал от страха! Я вспомнил фразу из «Одесских рассказов» Исаака Бабеля: «Вам двадцать пять лет. Если бы к небу и к земле были приделаны кольца, вы схватили бы эти кольца и притянули бы небо к земле...» Именно таким было мое ощущение тогда. Я взлетел наверх и увидел моих родных, которые испуганно спросили: «Что случилось? Что это был за вопль?» Я не мог сдержать радости: «Все! Я победил! Я получил разрешение на выезд. Я уезжаю в Израиль». Мои домашние были в шоке. Мама заплакала. Ее плач раздирал мне сердце: она оплакивала сына, которого, возможно, больше никогда не увидит. Так тогда прощались со всеми уезжавшими в Израиль. Отец отошел в сторону, я видел, что он тоже плачет. Я стискивал зубы, огорченный тем, что причинил самым любимым людям боль, но не мог сдержать переполнявшую меня радость.

В назначенный день я пришел в ОВИР. Офицер в ОВИРе говорил со мной очень вежливо, даже подчеркнуто вежливо. Он извинился, что им понадобилось так много времени, чтобы проверить мое заявление, и объяснил, что задержка была вызвана тем, что они со всей серьезностью отнеслись к тому, как я, юноша, воспитанный в советском обществе, смогу устроиться в чужом, жестоком капиталистическом государстве, без родных и знакомых. Только из «беспокойства и заботы» о моей судьбе и из-за «ответственности государства за юного гражданина, совершающего ошибку» весь этот процесс тянулся целых два года. Офицер выдал мне анкеты для заполнения с заявлением на получение визы на выезд в Израиль. Я посмотрел на него с нарочитым удивлением. Он смутился, потом улыбнулся и сказал: «Да ну, оставьте. Вам не нужно ничего заполнять. У нас и так есть все ваши данные». Так что официальное заявление на выезд я не подавал и не заполнял никаких анкет. Мне было сказано, что я должен покинуть страну в течение двух недель и я никогда не смогу вернуться в Советский Союз. Я ответил с улыбкой, что как-нибудь переживу это. Тут пришел еще один офицер, и вместе они предупредили меня, чтобы я не занимался в Израиле антисоветской пропагандой. Тут уже я не выдержал и сказал, что мое поведение в Израиле будет зависеть от отношения к моим родителям и семье в СССР.

Получив документы на выезд, я отправился в голландское посольство для получения въездной визы в Израиль. Там мне проштамповали визу на въезд в Израиль на бланке выездной визы из Советского Союза, заказали билет на самолет в Вену и спросили, на сколько дней заказывать номер в гостинице в Москве. Я сказал, что мне не нужна гостиница, я буду жить до выезда дома. Сотрудница посольства, советская гражданка, с удивлением спросила, буду ли я жить у московских родственников, на что я ей ответил, что я – москвич и живу

дома в своей семье. Удивление сотрудницы и других работников посольства росло. По их словам, мой случай – первый, когда москвич получает визу на выезд в Израиль. Перед уходом я попрощался с голландским консулом. Мы были с ним в хороших отношениях, и я поблагодарил его за помощь.

15 февраля 1969 года, почти через два года с того дня, когда я впервые прорвался в израильское посольство в Москве, я вошел на борт самолета «Аэрофлота», летящего в Вену. Во время таможенной проверки в аэропорту меня раздели догола и тщательно обыскали. Я взял с собой только один чемоданчик, наполовину набитый книгами. Кроме того, там были две бутылки водки, банка икры, две рубашки и две пары белья на смену. Проверяющие меня таможенники спросили: неужели это все мое имущество? Я им ответил: это все, что, по моему мнению, я могу увезти с собой из их страны. Что мне надо, я увожу в сердце и в памяти, а все остальное оставляю им. Расставание с родными было трогательным и нелегким. Только через много лет я осознал, как переживали мама и отец, когда они обнимали меня, своего первенца, ведь они думали, что мы видимся в последний раз в жизни. Весь их мир сжался до нескольких последних минут, проведенных вместе с сыном, который уезжает в полную неизвестность, на другой конец света, в страну, где идет страшная война, и нет ни малейшего шанса когда-нибудь встретиться снова. Моя сестра, Верочка, прижалась ко мне с плачем, а младший брат, Шурик, стоял рядом, стараясь скрыть слезы, ведь «мужчины не плачут». Я вошел в самолет в последнюю минуту. Все мои мысли были сосредоточены на будущем, на Израиле, на первой встрече с безумной мечтой, которую вопреки всему мне удалось осуществить.

10

До Второй мировой войны еврейский вопрос не считался проблемой в СССР. Ни с точки зрения руководства страны, ни с точки зрения службы безопасности. Ленин и еще больше Сталин видели в ассимиляции евреев естественное и желательное решение еврейского вопроса. В сущности, все коммунистическое руководство и в особенности входящие в его состав евреи видели в ассимиляции естественное и желаемое евреями решение.

Преследование еврейского национального движения в период от Октябрьской революции и до сороковых годов происходило из-за идеологических

разногласий. Аресты и ликвидация членов сионистских и не сионистских движений (таких, как, например, Бунд) были следствием не антисемитизма, а борьбы с чуждой, националистической идеологией. Инициаторами преследования сионистского движения и его ликвидации были евреи, члены большевистской партии.

В глазах властей перед началом Второй мировой войны главной и наиболее опасной национальной проблемой в Советском Союзе была проблема немецкого национального меньшинства. В то время доля немцев в советской науке, обществе, культуре и многих ключевых структурах была очень большой, почти критической, намного большей, чем евреев. Когда Гитлер пришел к власти, его политика радикального немецкого национализма напугала советское руководство, опасавшееся, что идеи Гитлера повлияют на значительную группу населения. Нацистская Германия действительно пыталась использовать немецкое меньшинство СССР и делала это довольно профессионально и эффективно.

Сталин более, чем кто-то другой, осознавал слабости Советского Союза, его боязнь реальных и вымышленных врагов была очень сильна и с годами только усиливалась. Постоянный страх перед внешней и внутренней угрозой был наиболее характерной чертой и для Сталина, и для советского руководства после него.

Еврейский вопрос стал актуальным в глазах властей СССР во время Второй мировой войны и после нее. В глазах Сталина и советского руководства Соединенные Штаты стали главным и самым опасным врагом Советского Союза. А в США проживала самая крупная и могущественная еврейская община в мире, сила и влияние которой только увеличивалось. Большинство американских евреев приехало в США еще из Российской империи, и Советский Союз цинично использовал еврейское влияние в Америке, создав для этого Еврейский антифашистский комитет.

Советское руководство предполагало, что усиление еврейского самосознания обязательно приведет к укреплению связей между советскими и американскими евреями. Престиж Еврейского антифашистского комитета в глазах евреев СССР был чрезвычайно высок. Они обращались туда с любыми проблемами, связанными как с национальным вопросом, так и с личными нуждами. Сам факт существования комитета консолидировал и укреплял еврейское самосознание. У антифашистского комитета были свои собственные связи на Западе, в

частности, с американскими евреями. Сталин и большая часть советского руководства считали, что эта ситуация опасна и не соответствует проводимой политике еврейской ассимиляции, поэтому необходимо ликвидировать пробуждение еврейского национализма в СССР. Дело было вовсе не в антисемитизме Сталина или его сподвижников, хотя среди них и были антисемиты. Речь шла о холодном политическом расчете.

Все это привело к ликвидации Еврейского антифашистского комитета. Любые связи между советскими евреями и евреями за рубежом подавлялись с жестокостью. Власти пришли к выводу решить проблему еврейского национализма так же решительно, как они решили проблему немецкого национализма. В начале войны немцы были депортированы и сосланы, а Автономная Республика немцев Поволжья была ликвидирована. Еврейский вопрос, как и в свое время немецкий, стал проблемой для советской власти, главным образом вследствие его международного значения. Другими словами, в глазах властей самой большой опасностью стало имеющееся или потенциальное участие враждебных Советскому Союзу зарубежных стран в разжигании национальной проблемы и использование ее против интересов СССР. Неважно, идет ли речь о Германии с ее нацистской идеологией или же о США, действующих напрямую и используя Израиль.

Вторая мировая война привела в Советский Союз еврейское население на вновь присоединенных к Советскому Союзу территориях. Среди этих евреев были участники еврейских молодежных и сионистских движений 20–30-х годов. Первые группы еврейской молодежи, состоявшие из двадцатилетних девушек и ребят, организовались еще в последние годы войны на национальной почве или на почве солидарности с Израилем в конце сороковых годов. Они были арестованы и заключены в лагеря за антисоветскую деятельность. В лагерях они встретили выживших членов сионистских организаций, арестованных еще в 20-х и 30-х годах. Так восстановилась преемственность сионистской деятельности в СССР, которая полностью никогда не прекращалась. Узники двадцатых и тридцатых годов вели индивидуальную, одинокую, безнадежную борьбу, опираясь на веру в народ Израиля и мечту о создании еврейского государства. Большинство из них осталось в неизвестности – забытые герои, они не оставили след в памяти народа. Но, как в каждом революционном движении, так и в еврейском движении появилось новое поколение, молодое, оно и вступило в борьбу.

Группы Меира Гельфанда и Вилли Свечинского, как и многие другие подобные им, были удивительным явлением в истории сионистского движения в СССР. Они действовали в период правления Сталина и великого террора. Студенты-евреи, рожденные и воспитанные при советской власти, взбунтовались и посмели сделать для своего народа то, что практически никто не считал возможным в ту эпоху. После смерти Сталина были организованы группы изучения иврита. В Риге местную группу возглавил Иосиф Шнайдер, который ребенком был узником рижского гетто. Эта организация стала фундаментом сионистского движения в Риге. Шнайдер был снайпером и, кроме иврита, обучал учеников также стрельбе. «Когда мы приедем в свою страну, мы должны не только знать иврит, но и метко стрелять», – говаривал он. Шнайдера арестовали после Синайской кампании по совершенно фантастическому обвинению: планирование покушения на египетского президента Гамаль Абдель Насера. На судовой верфи в Риге строили подводные лодки для египетского флота, и Насер посетил столицу Латвии во время визита в СССР. Все поразились фантастическому обвинению, выдуманному следователями, но впоследствии, уже в Израиле, Шнайдер признался мне: «Смех смехом, но я действительно обдумывал покушение на Насера». Этот пример только иллюстрирует преданность и готовность евреев СССР к самопожертвованию во имя Израиля.

Постоянно появлялись новые люди и продолжали сионистскую деятельность. Молодежь действовала более активно, более эффективно, чем старшее поколение. Этому движению не хватало только одного – борьбы за выезд в Израиль. Сталинский террор и реакция последующих режимов создали ощущение того, что в тоталитарном государстве нет шансов на выезд. Власти Израиля также не понимали положение советских евреев и борьбу за выезд в Израиль. Сложилась ситуация, когда ни в Советском Союзе, ни за его пределами не признавали, что существует реальная возможность борьбы с советской властью за право выезда в Израиль.

В 1967 году наступило своеобразное «просветление». Открытая борьба за выезд в Израиль, честь начать которую была предоставлена мне, началась до Шестидневной войны и вне всякой связи с ней. Это был новый этап, и власти СССР были обеспокоены требованием о выезде в Израиль. Требование агрессивное, бескомпромиссное, воинственное. Не менее напугало это требование, как по сути, так и по форме, и евреев на Западе. По чистой случайности я оказался первым, кто решился на такой шаг. На моем месте мог быть кто угодно. Как только мне удалось выехать в Израиль, советская власть, евреи в СССР и на Западе поняли, что выезд евреев из СССР в Израиль возможен.

Шестидневная война повлияла на борьбу евреев за выезд в Израиль в двух основных аспектах. Первый – это захват Голанских высот. Армия обороны Израиля захватила Голанские высоты без глубокого анализа ситуации и серьезного стратегического планирования вопреки тогдашней государственной политике. В аспекте обсуждаемой темы важно, что появление израильской армии на Голанских высотах создало впечатление возможности израильского наступления на Дамаск и падения просоветского режима в Сирии. Это побудило Советский Союз разорвать дипломатические отношения с Израилем. Одновременно с разрывом дипломатических отношений власти прекратили выезд в Израиль, который только начался и постепенно набирал силу. В Израиле не задумывались серьезно о том, как завоевание Голанских высот и нападение на Сирию повлияет на выезд евреев Советского Союза в Израиль. Можно предположить, что, если бы не разрыв отношений, процесс выезда из СССР в Израиль развивался бы иначе, как и по количеству выезжающих, так и по форме выезда. И процесс эмиграции в другие страны мог вообще не начаться. С другой стороны, отрыв от Израиля и израильского истеблишмента предоставил советским евреям более широкую свободу действий. Это стимулировало мотивацию и возможность самостоятельных, более резких и более активных действий в борьбе за выезд в Израиль.

Другим аспектом Шестидневной войны было то, что она окончательно поставила Израиль в центр внимания мирового еврейства. Под влиянием этой войны начался процесс концентрации сил еврейского народа во всем мире в пользу Израиля, и в конце концов был положен конец разногласиям в еврейских организациях по поводу Израиля и репатриации евреев в Израиль. Как результат этого борьба евреев СССР за выезд в Израиль стала получать все больше растущую поддержку еврейских организаций. Победа Израиля вызвала воодушевление и рост национальной солидарности евреев по всему миру, в том числе и в СССР, и привела к готовности на более решительные действия во имя Израиля.

В сионистском движении в СССР начался новый период – период борьбы за выезд в Израиль. Борьба за выезд в Израиль стала сутью еврейского движения в СССР, волна которого охватила весь Советский Союз. Я не сомневаюсь, что в 1954–1955 годах было невозможно сделать то, что я сделал в 1967 году. Но с начала 60-х годов ситуация уже созревала для начала борьбы за выезд в Израиль.

Погода в Вене была нелетная, поэтому самолет посадили в Будапеште. Мягко говоря, это меня не обрадовало. Когда самолет взлетел, я почувствовал, что через два часа буду свободным человеком, и вдруг выясняется, что мне нужно ждать еще сутки. Определенное напряжение не оставляло меня, пока я не оказался за пределами зоны советского влияния. На следующий день мы выехали из Будапешта в Вену поездом. Я подошел к проводнику и спросил, когда мы будем пересекать границу. «Минут через двадцать», – ответил он. В волнении я стоял у окна и ждал момента, когда навсегда оставлю за собой советский мир и старую жизнь. Я ждал момента, когда войду в новый, хороший мир, чтобы начать новую жизнь. Когда мы пересекли границу, я улыбнулся. Ну вот, сказал я себе, теперь я в безопасности, я за рубежом, и никто уже меня здесь не достанет и не вернет обратно. Я свободный человек. Все напряжение в момент спало, даже дышать стало как-то легче. Моя первая безнадежная война закончилась. И она была самой трудной из всех моих войн.

Мы приехали в Вену. В вагоне было еще несколько семей из Грузии и Риги, которые летели со мной в одном самолете. На железнодорожном вокзале к нам подошел пожилой человек. Глядя на него, нельзя было ошибиться – типичная еврейская внешность. Он спросил сначала на идиш, а потом на ломаном русском: «Кому в Израиль?» Я обратился к нему на иврите. Он удивился. Я дал ему свою визу для выезда в Израиль. Удивление росло. Мало того, что я говорю на иврите, я еще молод и приехал без семьи. Мы поехали в пансионат, где собирали репатриантов. Пансионат находился за пределами Вены. Я смотрел по сторонам с любопытством и волнением, ведь я впервые был за границей. В пансионате меня зарегистрировали и сказали, что мне нужно будет подождать несколько дней, пока подойдет моя очередь на самолет в Израиль. В пансионате находились десятки семей, большинство из Грузии, немного из Латвии и Западной Украины, еще пара семей из Польши. Только я был одиночкой.

Я попросил разрешения поехать в Вену. Мне сказали, когда я должен вернуться. Я хотел туда поехать, потому что во время войны и после войны здесь служил мой отец и он много рассказывал о Вене. Я хотел написать ему о городе, в котором он служил. Мне хотелось увидеть западный город и найти магазин с книгами на русском языке. Я купил там несколько книг Солженицына и еще кое-что, прогулялся по городу, пошел к памятнику советским солдатам, павшим в боях за освобождение Вены. Я смотрел на монумент, читал надпись и чувствовал, что это уже не мое, а другой страны, знакомой, но не моей.

Ощущение было странным, свободным, я не чувствовал грусти.

Через пару дней мне сказали, что ночью я лечу в Израиль. Помню, как напряжение и волнение нарастали по мере приближения к Израилю. Вдруг я увидел в темноте на горизонте море огней, раздались восторженные крики пассажиров. Кто-то плакал. Я тоже чувствовал, как у меня сдавило в горле, это ощущение невозможно описать – огни, поднимающиеся нам навстречу из мрака, были государством Израиль. Мечтой моей жизни было приехать в Израиль, и эта мечта должна была осуществиться через несколько минут. Чувство тепла, радости и восторга захлестнуло меня. С тех пор я сотни раз шел на посадку в Израиле, но и по сей день волнуюсь, когда вижу приближающуюся береговую линию или огни городов Израиля.

Самолет сел, двери раскрылись. Я вышел, остановился на трапе и огляделся вокруг. Я почувствовал резкий, незнакомый сладковатый запах. Это цвели цитрусовые. Сладковатый запах их цветения со мной по сей день. Для меня это запах родины, запах Израиля. Таким живет он у меня в памяти: жаркая ночь, мрак, негромкий шум людского говора и сильный сладковатый запах цветущих цитрусовых.

Я сошел с трапа самолета. Волнение было таким сильным, что я не помню, как ступил на землю Израиля. Я не распластывался на земле, не целовал ее. Просто постоял несколько секунд на месте, чтобы почувствовать эту землю под ногами. Я сказал себе: «Ну вот. Теперь ты дома». И пошел. Я дошел до паспортного контроля и предъявил полицейскому советскую выездную визу. «Что это такое?» – в изумлении спросил полицейский. Я объяснил ему на иврите, что я новоприбывший, что это мои документы на выезд из Советского Союза. В ответ я услышал: «Давай, проходи!» Через две минуты я уже был за пределами зала прилетов аэропорта Бен-Гурион. Таким я встретил Израиль: с шумом, гамом, криками таксистов, сандалиями, шортами, крепкими острыми запахами. Я попытался выяснить, где Министерство абсорбции, но никто не знал. Тогда я вернулся в аэропорт и начал спрашивать там. Никто не понимал, о чем я говорю. И снова я прошел мимо уже знакомого пограничника и вышел на улицу. В конце концов один из служащих показал мне, куда идти. Я подошел к невысокому зданию. У входа стояли люди и ждали родственников, которые находились внутри. Я попытался пробраться через них, постучал в дверь, через несколько минут кто-то высунул голову и спросил: «В чем дело?» Я ответил, что я новоприбывший и час назад прилетел из Вены. «Мы уже час тебя ищем», – почти с укором сказал человек. Оказалось, что я всех поднял на ноги. Из Вены

сообщили, что я сел в самолет, а среди прилетевших новопривывших меня не было. Я должен был стоять в сторонке, как все остальные новопривывшие, которые не знали, куда идти, и ждать представителя Министерства абсорбции. Но поскольку у меня не было проблем с ивритом, то я вышел вместе с обычными пассажирами. В конце концов пропажа нашлась, дальше начался процесс регистрации и абсорбции. На ночь меня поселили в маленькой гостинице возле аэропорта и сказали, что утром отправят в ульпан в кибуц Ревивим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/kedmi_yakov/beznadezhnye-voyny-direktor-samoj-sekretnoj-specsluzhby-izrailya-rasskazyvaet

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)